

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

58

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. Пирожкова. На распутье	1
Д. Штурман. Империя плана (Продолжение)	4
А. Федосеев. Агония социализма и будущее	9
В. Зарубин. Венгрия сегодня	22
В. Рудинский. На литературные темы	26
В. Миклашевский. Покаяние?	28
Протоиерей Д. Константинов. Говорит Иркутск!	33
В. Рудинский. Пророк в своем отечестве	37
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	37
Протоиерей Д. Константинов. Стратегия и тактика современного советского атеизма	45
Памяти старого друга	47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№58

Сентябрь 1990

Мюнхен

В. ПИРОЖКОВА

НА РАСПУТЬЕ

Перед нами два прогноза для России: один оптимистический А. П. Федосеева, другой пессимистический В. Тростникова. Оптимистическое не только для России, но и для всего человечества предвидение А. П. Федосеева читатель может прочесть в печатаемой в этом номере журнала его статье "Агония социализма и будущее", поэтому мы на ней подробно останавливаться не будем. Отметим только, что А. Федосеев не ограничивается предположительными прогнозами, но предлагает конкретную программу действия и от ее проведения в жизнь ставит в зависимость свой оптимистический прогноз. Мы еще раз отсылаем читателя к его статье.

Пессимистический прогноз для большинства русского народа В. Тростникова напечатан без комментария в № 11 (1416) "Православной Руси", статья называется "Старая сказка и новая действительность". Используя фольклор и Библию, преимущественно Ветхий Завет, В. Тростников дает сначала безотрадную, но, увы, реалистическую картину поглощения народной души змеем или драконом-социализмом. "Такой захват драконом народной души по схеме: "сначала люди обознались, а потом пути назад уже были отрезаны" случался, как можно судить по фольклору, во все времена и во всех странах. Последний по времени и, вероятно, самый грандиозный по масштабу произошел с нами, поэтому сама судьба сделала нас экспертами по змею, которые много могут об этой гадине рассказать".

В. Тростников ссылается особенно на аналогии из книг пророков Даниила и Иеремии. У вавилонян был особо чтимый идол, строго охраняемый и запиравшийся на ночь в помещение. Имя ему было ВИЛ, ассоциация с Владимиром Ильичем Лениным, охраняемым в мавзолее, напрашивается по Тростникову сама собой*. "Есть и еще один полностью совпадающий признак, который окончательно устраняет предположение о случайном сходстве: главной заботой жрецов ВИЛа являлось то, чтобы убедить царя и весь народ, что ВИЛ не мертвый, а живой. Ведь то же самое внушают нам с детства: "Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить" ". Однако не этот идол является драконом, его составляющей "его жрецы, т. е. верхушка коммунистической партии". У дракона есть ряд средств, ведущих

к поглощению лучшего в народе, главные из этих средств — это страх, ложь и создание образа любимого вождя. В. Тростников пишет о страшном опустошении душ. Он говорит, что обнищание страны видно наглядно. "Но эта видимая пустыня есть лишь доступное взору отражение пустыни наших душ. Отощание наших житниц и складов — следствие обмельчания наших личностей. Именно в этом величайшая трагедия нынешней России". Далее он пишет: "Отдавая змею долю своей внутренней свободы, мы делаемся вялыми, неинициативными, неспособными к принятию ответственных решений и к энергичным действиям. Мы ничего не предпринимаем самостоятельно, так как надеемся на змея. Заплатив ему оброк своей волей, мы ждем, что он этой отданной ему волей должным образом распорядится, забывая о том, что он не является личностью и потому распорядиться этим личностным элементом никак не может". Затем В. Тростников указывает еще на две ценности, которые люди нашей родины отдали змею. "Отказавшись от интимности своего мироощущения, мы лишаемся драгоценной способности художественного творчества... Наконец, уступив дракону долю самостоятельности своей мысли, мы порождаем такую страшную вещь, как лженаука... В общем, как это ни печально, приходится констатировать, что мы стали ущербными во всех трех частях нашей души и утратили свое, некогда высокое, человеческое качество. В этом заключается основное наше несчастье".

Мы согласны с Тростниковым, хотя объяснить это тем, кто душевной ущербности вокруг себя не чувствует, невозможно. Сравнения с другими, прежними или настоящими, даже жестокими диктатурами, убивающими тела многих, но не посягающими на душу человека, несостоятельны. Я это чувствовала с юности, но объяснить это постороннему человеку невозможно. В этом я не раз имела случай убедиться.

Далее Тростников спрашивает: возможно ли избавление от змея и духовное и душевное воскресение? Тростников считает, что у древних народов в этом был опыт. Но тут он интерпретирует мифы и библейские сказания, и интерпретация эта субъективна: он не приводит и не может привести доказательств,

что она верна. Ссылаясь на Эдипа, пророка Даниила и св. Георгия, Тростников развивает следующую схему избавления от дракона (или сфинкса): освобождение берет на себя праведный перед Богом человек, причем чужой, но совсем не обязательно чужестранец, напротив, это человек, вышедший из этого народа, но долго отсутствовавший и ставший как бы чужим. Даже относительно пророка Даниила Тростников предполагает, что тот вернулся после своей физической смерти для того, чтобы освободить вавилонян от ВИЛа, также и св. Георгий уже после своей смерти уничтожает дракона. Но для полного освобождения недостаточно праведника, для этого нужно всеобщее покаяние и обращение народа. Вавилоняне не покалялись по-настоящему и не были освобождены, а были наказаны Богом. Тем же, кто покалялся, было дано указание уходить из некаявшегося народа и спасать каждому себя отдельно. "Выходи из среды его, народ Мой, и спасайте каждый свою душу от пламенного гнева Господня" (Иеремия, 51, 45) и "Бегите из среды Вавилона и спасайте каждый душу свою, чтобы не погибнуть от беззакония его, ибо это время отмщения у Господа". (Иеремия, 52, 6).

Тростников задает вопрос: как же теперь обстоит дело с русским народом? "Я жадно всматриваюсь в происходящее вокруг, вслушиваюсь в разговоры соотечественников, ловлю их интонации, стараюсь разгадать выражение лиц — и все это для того, чтобы понять: каков он сегодня — дух русской нации? Есть ли у нас массовое покаяние, дающее надежду на бескровное освобождение от дракона, или же надо приготовиться к худшему исходу?"

В. Тростников не видит признаков такого покаяния. Однако он ставит условия для покаяния, т. е. он считает, что должны проявиться вполне определенные признаки, иначе нельзя говорить о покаянии. Не слишком ли это самоуверенно? Может ли В. Тростников различить с такой осуждающей определенностью признаки покаяния или это исключительно прерогативы Господа Бога? В. Тростников называет свои условия: прежде всего надо обратиться молитвенно к небесному заступнику, но, по его мнению, не всякий святой для этого годится. Тростников не только сам ставит условия для нужного святого, но и сам решает, кто этим условиям удовлетворяет, а именно последний государь Николай Александрович. И он считает, что среди русского народа недостаточно широко распространено почитание убиенного императора.

Все это крайне субъективно. Несмотря на мифы и библейские сказания или жития святых, условие, что надо непременно найти

именно такого святого и к нему обратиться, иначе не будет покаяния, чисто субъективное мнение В. Тростникова и никак не связывает Господа Бога в Его решении, что именно является истинным покаянием и есть ли признаки такого среди русского народа.

Далее Тростников пишет: "Вторым признаком должно быть прекращение идолопоклонничества. Но оно продолжается. Уже почти семьдесят лет на площади, которая была для наших предков священной и которую они назвали Красной, то есть Красивой, лежит высохшая мумия паралитика". Тростников указывает на то, что города и улицы, названные именем Ленина, не переименованы и что и сейчас люди ищут цитаты в его произведениях, которые подходят к их собственным мнениям и пытаются опереться на него. Тростников отмечает, что В. Солоухин убедился в том, что Ленин был крайне злым человеком с примитивным мировоззрением, но, видимо, он считает, что одна ласточка весны еще не делает.

В этом пункте мы разделяем его опасения. Отказ от культа Ленина, ненавидевшего Бога, должен, думаем, быть одним из условий покаяния. Нельзя одновременно чтить полного ненависти богборца и приносить Господу покаяние. Со стороны, из-за границы, и мы наблюдаем некоторые тревожные признаки, преимущественно даже не в том, что еще длится официальный культ, а в том, что журналы и авторы, которые считают себя русскими патриотами, стараются вписать Ленина, а некоторые даже Сталина под знаком плюс в русскую историю. В "Нашем современнике" появились такие статьи, да и в других органах прессы. Вот как раз перекрашивание коммунистического вождя под русского патриота мы и считаем самым опасным и, действительно, признаком недостаточного покаяния. Но много ли таких? И кого они представляют?

Между прочим, даже в Болгарии вынесли Димитрова из мавзолея и сожгли мумию. Пора сделать это и с мумией Ленина.

Далее Тростников пишет: "Третьим признаком должно быть нарастание ненависти к змею, т. е. к социализму". И этого признака Тростников в России не усматривает в достаточном количестве. "Особенно бросается в глаза отсутствие этого признака на фоне происходящих в Восточной Европе и некоторых наших республиках процессов. Там свергают памятники Ленину, переименовывают названные в его честь улицы и предприятия, распускают компартии, народ выходит на площади с антисоциалистическими лозунгами, снимается запрет на частную собственность, отдается земля крестьянам; там все кипит и отбегает, все жаждет отмщения за десятилетия униженного состояния; терпение народов

лопнуло, и они не хотят больше выплачивать дань скользкой рептилии, их больше не проведешь на мякине "единственного верного учения". Уже и Украина начинает клочкотать, а в нашей бедной России все по-прежнему тихо. И за этой тишиной угадывается боязнь расстаться с социализмом: а вдруг без него начнется эксплуатация? То, что Змей-Горыныч дерет с нас десять шкур, мы не замечаем, а вот если на нас станут наживаться частники, которые из-за взаимной конкуренции вынуждены будут держать размер своей прибыли на разумном уровне, — это нас пугает".

Да, и мы замечаем странную приверженность социализму даже среди, как нам казалось раньше, антикоммунистической русской эмиграции. Признаемся, что для нас это совершенно неожиданное явление.

Нас беспокоит еще и то, что некоторые национально настроенные авторы в СССР, может быть, сами не замечая того, скользят к совпатриотизму. Так например, некоторые патриотические авторы назвали стремление Литвы к независимости "литовско-российским спором". Нам было бы интересно, как эти авторы называют теперь объявление суверенитета РСФСР и желание этой республики признать независимость балтийских государств? Назовут ли они это явление "русско-российским спором"? Совершенно очевидно, что спор был литовско-советский, а не литовско-российский, поскольку Российского государства пока еще вообще нет, есть только советское государство. Когда иностранцы путают эти два понятия, мы сердимся, но пожимаем плечами: что взять с иностранцев? Но когда русские патриоты начинают путать эти два понятия, возникает серьезная опасность. Чувствуется тенденция отложить преобразование страны, отложить даже внутреннее возрождение и заключить временный союз с советской властью для сохранения многонационального государства. Между тем, как раз обратные действия были бы для этой цели пригодны. Если б русские сами сбросили диктатуру компартии и ликвидировали социализм, если б они начали строить правовое государство и оздоравливать экономику, переходя к свободному социальному рыночному хозяйству, то было бы очень много шансов удержать большинство республик в добровольном союзе с русскими в одном государстве. А в союзе с комдиктатурой эти республики удержать можно будет разве что силой, а от насилия мы должны были бы полностью отказаться.

Возвращаясь к Тростникову, отметим, что он писал свою статью в январе этого года, а после этого и в Москве были демонстрации с антисоциалистическими лозунгами.

Но Тростников признаков возрождения не находит и изрекает русскому народу оконча-

тельный приговор. "Все это приводит к заключению, что у нас имеется недостаточное покаяние. Что за этим приходит, мы уже знаем: Божия кара". Причем Тростников говорит не о 73 годах большевизма как о Божией каре, настоящая кара еще будет. Здесь он присваивает себе амплуа библейского пророка. Он цитирует слова пророка Иеремии по отношению к Вавилону, начинающиеся словами: "Так говорит Господь..." Но мы верим, что древним пророкам Господь на самом деле повелевал говорить то, что они говорили. Они слушались Господа, причем далеко не всегда с радостью и удовольствием. Мы знаем из Библии, что пророчество — страшный дар, и иногда пророки даже пытались избежать своей судьбы быть пророком, но рука Господня их настигала. Дал ли и возложил ли Господь этот дар на Тростникова? Или он легкомысленно сам присваивает себе право пророчествовать? Обрекать целый народ или хотя бы большую часть его на гибель, как это делает Тростников, — великая ответственность. Такие слова можно произносить только, если человек совсем уверен, что Сам Господь призвал его и Сам вложил ему в уста эти слова. Мы должны признаться, что весьма сомневаемся в этой его миссии. Но он в ответ, вероятно, скажет, что мы и недостойны его понять. Россию как таковую он обрек на уничтожение. "Явно готовятся силы, готовые развязать Россию как злейшего врага, и на Кавказе, и в других местах". Признаемся откровенно, мы этих сил не видим: и на Кавказе, и "в других местах" многие народности режут друг друга и в худшем случае готовят собственное отделение от центральной московской власти. А как они могут развязать Россию, это уж секрет В. Тростникова. Но в русском народе возникает, по его мнению, "малое стадо" неких "умниц", которые должны бежать из России не территориально, а духовно, не принимать участия в жизни страны, а только сохранять себя. И тогда Господь совершит чудо, сохранит их среди пылающей страны и создаст из них дивный град Китеж "на удивление и любование всему миру", хотя бы территориально он, этот Китеж, был "с Московское княжество Димитрия Донского". Вот для этих "умниц" он пишет эту статью, а не для нас, грешных.

Почему мы посвятили целую передовую этой статье Тростникова? Она представляется нам важной в двух отношениях: 1. Она правильно отмечает многое из того, что еще не свершилось в русском народе, но должно свершиться для его возрождения. И этим она впечатляет и может побудить поверхностного читателя принять и выводы автора. А это было бы весьма опасно. В его предсказаниях сквозит гордыня, которая может

отвлечь как раз лучших от участия в делах якобы обреченной страны и тем самым внести свою долю в возможно предстоящие ей тяжелые переживания. Именно этим самым "умницам" Тростникова слушать не следует, послушают они его, возгордятся тем, что именно они принадлежат к "малому стаду", и начнут взирать на своих соотечественников с сожалительным презрением, как на обреченных, и... сразу же потеряют свою принадлежность к стаду Христову, если таковая прежде была. Ибо духовное высокомерие — самый большой грех.

2. У Тростникова явно проявляются черты того русского мессианизма, который много повредил России в прошлом. Пусть это будет малое стадо, пусть только Московское княжество с малой территорией, но воссиять оно должно непременно на весь мир и всех затмить. Это все та же духовная гордыня. Мы обращаемся не только к "умницам", избранным Тростниковым, — а малое стадо * В. Рудинский считает, что сравнение ВИЛа (Ваала) с Лениным не выдерживает критики. См. "Обзор зарубежной печати".

Д. ШТУРМАН

ИМПЕРИЯ ПЛАНА

(Продолжение, нач. в № 57)

Когда А. Адамович рассказывает о перепалке на Съезде народных депутатов между председателем Госкомгидромета акад. Ю. Изразлем и председателем президиума ВС УССР В. Шевченко о том, кто крупнее соврал, это напоминает перебранку двух паханов на воровском "толковище" (оно же — "правилка"). Пожалуй, участники Круглого стола "Московских новостей" так эту дискуссию и воспринимают. А. Адамович говорит:

"Однако я не стал бы обвинять только аппаратчиков и бюрократов. Хотя, конечно, вина таких людей, как Щербина, который был председателем правительственной комиссии, огромна. Немалую долю вины должны с ними разделить и наши ученые, и физики, и медики. Как же медики могли подписывать документы, скрывающие истину от людей и тем обрекающие их на страдание? И отвечаю: это клановое мышление. Оно есть везде. Но у нас оно приобрело гипертрофированные размеры, ибо получило колоссальную идеологическую цементировку".

Ю. Щербак: "Наука и медицина превратились у нас в служанок политической системы. Это самое страшное, что может с наукой произойти".

И опять А. Адамович:

"Так на наших с вами глазах продолжает работать механизм бюрократического убийства народа — убийства слепого, бессмысленного, даже незлобного, просто нормальная

все же будет избирать Господь, а не человек, каким бы прозорливым он себя ни считал, — а ко всем, кто хочет быть христианином: отнеситесь внимательно к тому, что нужно для покаяния и что указано Тростниковым (возможно, не полностью), но не спешите верить его мрачным предсказаниям и, главное, не выделяйте себя из других, не впадайте в гордыню, а попробуйте действовать совместно с другими, учите их, если будете находить это нужным, но и учитесь у них, т. к. никто не совершенен. Попробуйте восстановить Россию не как необыкновенный град Китеж всем на чудо, а как добрую христианскую страну, в которой будут и свои недостатки, без которых не обойтись, и которая будет искать содружества и сотрудничества с другими, особенно христианскими, странами, а не превозносить самое себя в национальной гордыне.

работа бюрократического механизма".

В. Колюшко: "у меня есть документы, показывающие, что по стране идут зерно и картошка, зараженные сверх всякой меры. Не подпольно идут — вполне официально".

При той катастрофической ситуации, которой мы выше лишь коснулись, сколько же средств научная, плановая социалистическая экономика тратит на спасение вырождающейся отечественной экосистемы?

В статье "Экология и экономика" ("Аргументы и факты" № 17 за 28 апреля — 4 мая 1990 г., стр. 6) канд. экономических наук Б. Маклярский сообщает:

"Приводимая таблица составлена на основе данных Госкомприроды СССР и бюро экономического анализа министерства торговли США.

Расходы на охрану окружающей среды в СССР и США, 1987 г. (млрд. долл.)

В том числе

	Все- го	Воз- дух	Вода	Твердые отходы
СССР	16,28	2,08	10,3	—
США	81,06	31,8	32,5	16,7

В абсолютном выражении мы тратим на экологические цели как минимум в пять раз

меньше, чем американцы (для пересчета рублей в доллары был использован отечественный официальный валютный курс)".

Половину расходов на экологию в США берет на себя частный сектор хозяйства. Если таково соотношение затрат по советскому "официальному курсу", то каково же оно в реальности? Напомним: на черном рынке в СССР за доллар США дают сегодня (май 1990 г.) 15–20 рублей.

Итак, все народы СССР перед лицом экономики катастроф равны. Но все-таки кое-кто в каждом из этих народов равнее прочих.

2. О тех, кто равнее

Итак, плохо живется всем. Действительный член ВАСХНИЛ В. Тихонов, один из самых смелых, зорких и честных людей нынешней России, пишет в опубликованной в газете "Московские новости" № 45 от 5 ноября 1990 года (стр. 4) статье "Нужна ли нам карточная система?":

"Ныне ситуация особенно непростая. Жизнь становится все труднее. Полки магазинов скудеют день ото дня, цены в госторговле растут уже не завуалированно, а открыто. На железных дорогах страны портятся, гниют, расхищаются свыше миллиона тонн товаров, включая сахар, злополучные стиральные порошки и мыло, обувь, трикотаж, мебель... да чего там только нет. Традиционные тридцатипроцентные потери урожая овощей и фруктов выросли в нынешнем году, по моим данным, вдвое.

Паралич на торговых путях. Тромбы в товароносных сосудах. Процветает только "черный" рынок. Безудержная спекуляция товарами, покупаемыми по льготным ценам и продаваемыми по рыночным. Коррупция чиновников, ведающих товарными фондами".

Значит, с одной стороны, равнее других дельцы и акулы "теневой экономики" и коррумпированные чиновники. А с другой?

Повторяя многократно опубликованные советской прессой и, по мнению многих специалистов, основательно заниженные данные об уровне жизни рядовых советских людей, Елена Боннер сказала, выступая в Калифорнийском Университете (Беркли) 22 марта 1990 года:

"Первый Съезд сказал вслух, что в нашей стране 43 миллиона людей живут за гранью нищеты. Это по советским стандартам — нищеты! Меньше, чем 70 рублей в месяц. Да как можно прожить на эти 70-то рублей! Многие депутаты говорили, что мы должны что-то немедленно сделать, чтобы изменить материальное положение этих людей. И вся страна, следящая по телевизору за Съездом, думала, что будет принято соответствующее

решение. А спустя несколько месяцев наша пресса раскопала и опубликовала, что было повсеместное повышение заработной платы партийного аппарата. И когда Горбачеву депутаты задали этот вопрос, он ответил, что у партаппаратчиков очень тяжелая работа и мало охотников заниматься ею".

("Новое Русское Слово"
от 29 марта 1990 г., Нью-Йорк).

Да, именно так все и было. В статье "Сколько платят за добродетель?" ("Московские новости" № 3 от 21 января 1990 г., стр. 5) политолог Е. Амбарцумов пишет:

"В последние полтора года, начиная с XIX Всесоюзной партконференции, довольно часто особенно от секретарей обкомов приходилось слышать требования повысить зарплату работникам партийного аппарата. И вот дело сделано. Оклад инструктора обкома КПСС повышен с 250 рублей до 370–400; заведующего отделом — с 380 до 600; секретаря обкома — с 450–500 до 700–750, а первого секретаря — с 550 до 850. Эти цифры взяты мною из провинциальных газет. Уже месяц как они преданы огласке и никем, в том числе и центральной партийной печатью, не опровергнуты.

...Сегодня, пожалуй, как никогда прежде, мы ратуем за оплату по труду, точнее — по результату труда. Между тем сама наша правящая партия самокритично признает, что руководимое ею общество оказалось в кризисном состоянии. Так за какие же заслуги, спрашивается, такая прибавка к зарплате?

...И в то время, когда для всех остальных трудящихся страны зарплата на ближайший год фактически заморозжена?

...Уже повышены оклады и работникам профсоюзов, комсомола, исполкомов Советов. Можно только выразить сожаление, что это произошло как раз тогда, когда престиж этих организаций упал ниже некуда, когда официальные профсоюзы, к примеру, настолько оторвались от нужд трудящихся, что уже возникают альтернативные организации — стачечные и рабочие комитеты".

Разумеется, состоятельные и даже средние слои развитого демократического общества живут богаче и комфортабельней основной массы партийных и комсомольских аппаратчиков. Но следует учесть, по меньшей мере, два обстоятельства: 1) "воротилы буржуазного бизнеса" обеспечивают всему обществу высокую эффективность производства и — соответственно — приличный уровень жизни; 2) привилегии социалистической номенклатуры любого рода и ранга — это привилегии лагерных придурков, пусть ничтожные, по сравнению с нормальной жизнью, но выживательные. Тем они и невыносимы для всех остальных, чье выживание сомнительно.

Вот еще несколько примеров придурочных

привилегий соцлагеря. До недавнего времени драгоценным здоровьем номенклатурной элиты занималось 4-е Главное управление Минздрава СССР. "Аргументы и факты" № 11 за 1990 г. на стр. 2 сообщают:

"Согласно постановлению Совета Министров СССР №866 от 12 октября 1989 г. 4-е Главное управление при Минздраве СССР упразднено.

13 февраля 1990 г. на заседании Комиссии Верховного Совета СССР по льготам и привилегиям заместитель Председателя Совмина СССР А. Бирюкова сообщила о создании лечебно-оздоровительного управления при Совмине СССР.

Читатели спрашивают: что же тогда изменилось?

Прокомментировать данную ситуацию наш специальный парламентский корреспондент В. РОМАНЕНКО попросил народного депутата СССР, члена Комиссии Верховного Совета СССР по льготам и привилегиям Ю. Цавро.

...Вновь созданное в огромных масштабах лечебно-оздоровительное объединение при Совмине СССР будет еще более обособленным, неконтролируемым, элитарным и содержащимся непосредственно налогоплательщиками.

...Здравоохранение четко разделено на две системы — элитарную и народную.

Первая обслуживает не только аппараты власти, общественных организаций, ведомств (в том числе ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС), но и родственников, близких и просто знакомых. Она отняла у народного здравоохранения с его мизерным бюджетом солидную часть, не ограничивая себя ни в чем, особенно в насыщении дорогостоящей импортной диагностической аппаратурой, мебелью и т. п. Скромно называемые 130 млн., используемые на элитарное здравоохранение (эта цифра вызывает большое сомнение), или 0,5% от общего бюджета — в абсолютных цифрах на душу населения выглядят следующим образом: в элитарной системе 1750 руб., в общем здравоохранении 60—100 руб.

...Предложение комиссии использовать санаторий "Ай-Даниль" (Ялта) для лечения и отдыха иностранных граждан (с целью заработать валюту для этой же системы) при необеспеченности путевками граждан СССР (одна путевка в 35 лет), дефиците детских санаториев — звучит кощунственно, если не более!

...В распоряжение вновь образованного лечебно-оздоровительного объединения при Совмине СССР ... передаются в полной сохранности подсобные специальные хозяйства, автотранспорт, строительные и ремонтные организации, парниковые хозяйства и т. д., которые будут теперь обслуживать не 69171 человека, а 35 тысяч! Совершенно не ясно, кто эти 35

тысяч, которые будут обслуживаться во вновь созданной системе.

...Кроме системы 4-х Главных управлений прекрасно процветают санатории и дома отдыха ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС (элитарные санатории типа "Парус"), Совета Министров СССР, Верховного Совета СССР, Мосгорисполкома...

...Довод о "сверхинтенсивном режиме труда" аппарата и необходимости создания с этих позиций элитарной медицины несостоятелен. Хотя бы потому, что "12—14 часов ежедневной, напряженной, многолетней работы" дали плачевный конечный результат: страна, и в частности здравоохранение, в критическом состоянии".

В выступлениях г-жи Бирюковой по вопросу о привилегиях отчетливо присутствует надежда на подкуп строптивого депутатского корпуса эпохи "гласности". Ю. Цавро сообщает (там же):

"В докладе А. Бирюковой приведены данные о том, что 1269 народных депутатов, а с учетом их семей 1821 человек, прикреплены к бывшему 4-му управлению. Во-первых, цифра явно необоснованная. Во-вторых, целенаправленное мушкетирование этого вопроса в докладе нашей комиссии на II Съезде народных депутатов СССР и в отчете А. Бирюковой, мне кажется, сознательно уводит суть проблемы в сторону. Дескать, меньше будет возражений против элитарной медицины, ведь и народные депутаты пользуются ее услугами.

Глубоко уверен, что депутатский корпус может и должен пользоваться системой общего здравоохранения, приобретая путевки для санаторно-курортного лечения согласно медицинским показаниям и через профсоюзы.

1 марта 1990 г. состоялось заседание Комиссии по льготам и привилегиям. Внесенные мною предложения были поддержаны членами Комиссии".

Замечу: даже полная (крайне мало вероятная) победа единомышленников Ю. Цавро в этом вопросе будет чисто моральной и общего положения не облегчит. Исконная элитарная программа социализма всех образцов: "догнать — отобрать — разделить — съесть" (в ленинском варианте — "грабь награбленное!") никого не накормит. Микроскопическая подушная прибавка потонет в океане народной нужды. Но ведь обидно людям наблюдать эту разницу — так же обидно, как в лагере видеть увесистую пайку придурка.

3. Зато по науке!..

У социализма должно было быть одно априорное преимущество перед другими социально-экономическими формациями: пред-

полагалось, что он будет строиться и функционировать разумно, научно, планомерно. Надо думать, что именно это имеет в виду генеральный президент Горбачев, вновь и вновь напоминая разнообразным аудиториям об огромных неиспользованных резервах социализма как строя.

Как же выглядят сегодня природа и хозяйство страны, природные ресурсы и человеческие резервы которой восьмой десяток лет организуются и используются сознательно, научно, планомерно? Отчасти мы это уже показали. Дополним картину еще некоторыми деталями. В избытке рассеянные по страницам советской периодики, они обретают особую выразительность, собранные хотя бы в небольшой своей части воедино.

Итак, экология — проблематика несомненно общенациональная, более того — глобальная. В любом, самом демократическом, обществе экологическая ситуация курируется государством и, согласно усиливающейся мировой тенденции, даже сообществами государств. Казалось бы, в централизованно-плановых обстоятельствах государству в этой области жизни — все карты в руки. Читатель, конечно, знает, что в СССР экологическая обстановка плоха, но все же окинем ее беглым взглядом еще раз — с опорой, как и везде, на советские источники 1988—1990 годов. Они, если и ошибаются или лгут, то уж во всяком случае — не в худшую для Советского Союза сторону. Итак:

“За четверть века в стране удвоилась частота появления врожденных наследственных дефектов у детей. Детская смертность в 2,5—5 раз превышает показатели развитых стран. Частота заболеваний раком за период с 1930 по 1975 г. утроилась, а к 1987 г. возросла еще в 1,5 раза. Продолжительность жизни уменьшилась по сравнению с 1965 г. и составляет 69,5 года”.

(“Аргументы и факты” № 15, 14—20 апреля 1990 г., стр. 1).

Другие советские источники конца 1980-х указывают для мужчин цифру 68 лет (в Японии для мужчин — 75,6 года, для женщин — 81,4 — “Аргументы и факты” № 16, 1990 г.).

О региональной статистике говорилось выше: средняя продолжительность жизни у малых народов Севера и Северо-Востока — 42—45 лет, на Урале — на десять лет меньше, чем по Союзу в целом. В чем же причины крайне редкого даже для “третьего мира” снижения продолжительности жизни в СССР?

“Отходы производства — пыль, газовые выбросы, остаточное тепло, давление, загрязненные сточные воды, свалки нарушают экологическое равновесие и вызывают рост заболеваний. По данным ВЦНИИ охраны

труда, сейчас уже около 20% заболеваний обусловлены ухудшающимися условиями окружающей среды и еще 20—38% связаны с условиями труда на рабочем месте”.

(“Аргументы и факты” № 15, 1990, там же).

Итак, экологическое неблагополучие (включим в него и производственные условия) порождает 40—58 процентов роста заболеваний и смертности.

Вопрос о переброске части стока северных рек на юг еще недавно казался решенным отрицательно. Сегодня он снова дискутируется, причем по инициативе центральных ведомств. Еще в 1988 году С. Залыгин писал об этом не просто бессмысленном, но и чудовищно вредном экологически, экономически и социально проекте:

“Если в Узбекистане не хватает воды, так почему же там оказались заболоченными земли всей Каракалпакской АССР? Каракалпакская драма, по существу, сопоставима с чернобыльской: там, на землях недавней пустыни и цветущих оазисов, теперь нельзя жить, люди болеют и умирают, женщины рожают неполноценных детей, заблачивание прогрессирует, оросительные нормы достигают 55 тыс. м³ на 1 га при максимально допустимых 15—20 тыс. м³ на 1 га.

Минводхоз виноват всерьез, по-чернобыльски, но и тут он поворачивает проблему в свою пользу: воды не хватает, значит, нужна переброска! Больше того — проблема эта используется в неблагоприятных целях и истолковывается так: РСФСР не хочет дать воду Узбекистану, где людям уже нечего пить.

Но вот в чем дело — чем больше воды, тем больше ее потери, — это во-первых, во-вторых, не спасет Арал проектируемая переброска; и, в-третьих, проект переброски ни технически, ни экономически не обоснован, он не выдерживает критики.

Начнем с того, что в оросительных системах Средней Азии на испарение, фильтрацию и сброс (по разным источникам) теряется 30—50 км³ воды, сбросные воды создают второй, искусственный Арал, заполняя колоссальную Сарыкамышскую впадину, заблачивая огромные пространства вдоль Каракумского канала в Туркмении.

Теперь уже и Ашхабаду угрожает участь Каракалпакии и Нукуса. Более 150 скважин откачивают из-под Ашхабада грунтовые (читай — оросительные) воды. И это происходит в безводной пустыне! Ведь еще 15—20 лет тому назад это было немыслимо — болота в пустыне!” (В сб. “Перестройка: гласность — демократия — социализм. ИНОГО НЕ ДАНО”. Изд. “Прогресс”. М., 1988, стр. 231.)

Оказывается, в научной плановой экономике все мыслимо.

С. Залыгин много лет занят подвижни-

ческой борьбой с Минводхозом. Акад. А. Яблоков в статье "Экологическое невежество и экологический авантюризм. Завалы на пути перестройки" дает картину более общую:

"В 1987 г. атмосфера над 104 крупными городами страны, в том числе в Кемерове, Запорожье, Жданове, Новокузнецке, Ереване и других, была насыщена загрязняющими веществами в концентрации более чем в 10 раз больше предельно допустимой по окиси углерода, двуокиси азота, сернистому газу, фтористому и хлористому водороду, фенолам, аммиаку, сероводороду и др. (К. Кондратьев, В. Зуев, Л. Соловьев. Гроза над биосферой. "Правда", 11 июля 1987 г.; П. Полетаев. В ответе перед природой. "Правда", июнь 1987 г.)

До опасного уровня снизилось качество воды Немана, Днепра, Печоры, Оби, в низовьях Волги.

По-видимому, не менее чем в половине наших рек концентрация загрязнителей достигает предельно допустимых величин, а в каждой седьмой реке их концентрация превышает предельно допустимую в 10 и более раз. В период обработки пестицидами рисовых полей ПДК в ряде южных рек превышает норму в сотни раз!

Вылов осетровых, лососевых, сельдевых, крупного частика, составлявший в 1948 г. около 1 млн. т, снизился ныне в несколько раз. Уловы в когда-то самом продуктивном море мира — Азовском — упали в 25 раз. Общий улов рыбы в Каспии снизился в 1,5 раза, да и вылавливается теперь в основном килька. Рыбу из озера Балхаш и ряда крупных водохранилищ становится опасным употреблять в пищу из-за высокого уровня загрязнения воды.

Кое-где в Средней Азии увеличилась смертность населения в результате резкого ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, вызванной ухудшением качества воды.

В результате неправильного ведения сельского хозяйства — перевыпаса, распашки маргинальных земель, неправильного орошения — десятки миллионов гектаров продуктивных земель выпали из сельскохозяйственного пользования, и истинные масштабы этого процесса только сейчас выясняются с помощью спутниковых наблюдений. По некоторым подсчетам, из строя ежегодно выходит больше земель, чем их вводится благодаря мелиорации. Ежегодное увеличение площадей полупустынь составляет в ряде районов страны 10%.

Тает гумус — основа естественного плодородия почвы: черноземы с содержанием гумуса 14-16% перестали существовать вообще, а площадь черноземов с содержанием гумуса 10—13% уменьшилась в 5 раз...". (В

сб. "Перестройка: гласность — демократия — социализм. ИНОГО НЕ ДАНО". Изд. "Прогресс". М., 1988, с. 239.)

Профессионала-эколога А. Яблокова потрясает тот факт, что капиталистическое хозяйство, которому в марксистской системе понятий положено быть хищническим и хаотическим, решает экологические проблемы лучше, чем плановое социалистическое:

"Уверен, что многие удивятся, услышав, что в крошечной по сравнению с нашей страной Швеции (в 50 раз меньше) ежегодно отстреливается охотниками больше лосей, чем в СССР. Это отражает высокий уровень сохранения и поддержания качества окружающей живой природы. При значительно более широком промышленном развитии Швеции потребление воды, энергии, кислорода, металла и других ресурсов на единицу продукции здесь разительно ниже, чем в СССР. Даже в планируемых нами показателях на 2005 г. мы не предусматриваем того уровня энерго- и ресурсосбережения, которые характерны для Швеции начала 80-х годов! Добавлю, что в Швеции подвергается полной очистке более 90% всех стоков, у нас, **наверное**, около 50%. Высок и уровень урбанизации — в 1980 г. более 85% всего населения Швеции жило в городах и поселках городского типа. По климатическим условиям Швеция близка центральной части европейской территории СССР, и ссылки на особо благоприятные климатические условия, которые часто приводятся в оправдание — например, отставания нашего сельского хозяйства от сельского хозяйства других стран, — здесь не годятся. В этом же ряду назову еще Японию как пример в целом показательного сочетания небывалого развития промышленности и сохранения природы страны. О состоянии дел в этой области говорит тот простой факт, что главными проблемами Японии в области охраны среды ныне являются не выбросы загрязняющих веществ, не нехватка заповедных и других охраняемых территорий, не загрязнение водоемов, как у нас, а шум и запахи". (Там же, стр. 241.)

Обратите внимание на подчеркнутое нами "**наверное**": у автора точных данных нет, ибо их нет в отечественной статистике.

"Пример Японии показателен, поскольку еще два десятилетия назад она была лидирующей в загрязнении и воздуха и водоемов. Чтобы справиться с этими, как кажется до сих пор некоторым, неизбежными спутниками интенсивного развития промышленного производства, оказалось необходимым тратить на охрану окружающей среды не около 1%, как это было в период максимального загрязнения (и сколько тратится у нас), а 5—6% валового национального продукта.

(Продолжение следует)

От редакции: *Мы очень охотно печатаем обстоятельную статью А. П. Федосеева, с которой в подавляющем большинстве ее тезисов согласны. Спорной представляется нам "Человечество находится в своем развитии на рубеже новой эпохи". Схематические краткие изложения всей истории человечества всегда казались нам недопустимым упрощением ее сущности. А прогнозы на будущее — это вообще сомнительное дело. Хотя мы должны признать, что А. П. Федосеев правильно предсказал начало развала социализма в 90-х гг.*

Есть еще один пункт, в котором мы расходимся с автором. Мы сомневаемся в том, что землю нельзя продавать в собственность. Хозяин на своей земле будет работать совсем иначе, чем арендатор.

А. ФЕДОСЕЕВ

АГОНИЯ СОЦИАЛИЗМА И БУДУЩЕЕ

1. Сбалансирование цен.

Почему экономисты и Госплан СССР ставят сбалансирование цен как главнейшую задачу обновления экономики? По сути, это абсурд. В условиях дефицита товаров сбалансирование цен не только недостижимо, но чрезвычайно опасно. Так поднять цены и так сдерживать рост зарплат, чтобы массы людей не могли купить предметы самой насущной необходимости. Таким способом резко понизить платежеспособный спрос до уровня хилого предложения и набить полки магазинов — значит напротить на еще больший развал экономики и самого государства в результате массового недовольства населения. Когда заработок не может удовлетворить даже насущных потребностей больших масс работников, исчезает смысл работать. Лучше воровать и грабить. Казалось бы, главной заботой экономистов должна быть полная ликвидация дефицита с помощью резкого подъема производительности труда, а не сбалансирование цен в условиях всеобщего дефицита.

2. Суть кризиса в очень низкой производительности труда при социализме.

Едва ли правильно называть происходящее в СССР кризисом. Кризис есть некоторая временная аномалия. В СССР происходит не кризис, а разрушение общественной системы, вызванное не стечением случайных обстоятельств или ошибкой управления, а нормальными свойствами самой системы. Это есть предсмертная агония нежизнеспособной системы социализма.

Все товары и услуги, как материальные, так и духовные, создаются и производятся не Советом Министров или Политбюро, а трудящимися (учеными, инженерами, рабочими, крестьянами, ремесленниками, работниками транспорта и торговли, архитекторами, художниками и т. д. и т. п.). Население может потребить только то, что произвели трудящиеся, а производят они в СССР мало и плохо. Удушение неисчерпаемых творческих

сил и талантов огромного народа системой централизованной монополии государственной собственности, диктующей народу каждый его шаг, и есть ЕДИНСТВЕННАЯ причина дефицита и низкого качества товаров и услуг. Именно эта социалистическая система и довела народное хозяйство огромной страны до такого состояния, что основные массы трудящихся не могут обеспечить себе даже прожиточный минимум. Не могут обеспечить не по причине временной несчастной случайности, а в принципе, и без перспективы улучшения. За всю историю человечества такого не наблюдалось. Были войны, стихийные бедствия, промышленные кризисы, т. е. именно несчастные случайности, которых человечество не научилось избегать. Чтобы в нормальное мирное время, не случайно, а в принципе, массы людей не могли себя обеспечивать самым необходимым, такого не бывало! Ясно, дело не в балансировании цен. Дело и не в ценообразовании, так как механизм ценообразования есть лишь часть социалистической системы народного хозяйства, часть его социалистической организации. Дело именно в самой социалистической организации, в социализме, в его нежизнеспособности. Именно нежизнеспособность социализма, его несоответствие природе людей потребовали применения невиданного в истории насилия и истребления людей, чтобы построить социалистическое государство вопреки природе. Если бы это был жизнеспособный строй, его введение не потребовало бы насилия совсем. Называть строительством этого строя "сталинизмом" и "извращением социалистической идеи" значит не понимать сути дела. Чтобы было ясно, я дам точное определение, что я имею в виду под социализмом. СОЦИАЛИЗМ ЕСТЬ ВЫСОКООРГАНИЗОВАННОЕ (по идее) ГОСУДАРСТВО, ПОЛНОСТЬЮ (ТОТАЛЬНО) УПРАВЛЯЕМОЕ РАЗУМОМ ПРОСВЕЩЕННЫХ (по идее) ПРАВИТЕЛЕЙ (т. е. субъективно), А НЕ "ХАОСОМ" МИЛЛИОНОВ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ, ЭГОИСТИЧЕСКИХ (но творческих и созидательных) ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН (объективно). Идея такого государства воз-

никла у европейских интеллектуалов эпохи Ренессанса в результате великого восхищения невиданными ранее открытиями и достижениями науки и техники. Интеллектуалам показалось, что человеческий разум настолько всемогущ, что способен создать совершенное, полностью этим всемогущим разумом управляемое общество. Легко понять, что такое тотальное, всеобщее государственное управление всем обществом возможно только при всеобщей, единой, государственной ("общенародной") собственности на все народное хозяйство и всех его трудящихся. Понятно также, что такое управление и состоит в организации выполнения массами единой системы директив единого государственного плана, выработанного разумом правителей. В точности так управляются любой завод и фабрика. **СОЦИАЛИЗМ ЕСТЬ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ("ОБЩЕНАРОДНОЙ") СОБСТВЕННОСТИ НА ВСЕ НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО, ВКЛЮЧАЯ НАСЕЛЕНИЕ.** Легко видеть, что именно эта идея и была осуществлена в СССР и других странах. Из этого определения вытекают все остальные свойства социализма, включая его нежизнеспособность. Вытекает принципиальная невозможность использовать колоссальные творческие силы миллионов индивидуумов населения и использовать движущую силу диалектики борьбы их противоречивых и эгоистических, но созидательных личных интересов. Все вынуждены подчиняться единым для всех директивам разума, исходящим от государства и его чиновников, а не руководствоваться своим здравым смыслом и своими личными духовными и материальными ценностями.

3. Причина всех бедствий именно в господстве государственной собственности.

Социализму присуще огромное множество недостатков, как экономических, так и социально политических. Однако главный и основной недостаток, из которого вытекают все остальные, заключается в очень низкой производительности труда в социалистическом обществе в результате невозможности использовать колоссальные творческие, созидательные силы населения. Спрашивается, почему? Представьте себе крестьянина, который добывает хлеб своим трудом. При социализме вся земля, на которой он работает, все инструменты, трактор, бензин, электроэнергия, топливо, химикалии принадлежат государству, являются государственной собственностью. Мало того, именно государство в лице его партийных или административных чиновников определяет, сколько, чего и когда ему из всего этого дать. **ВЕДЬ НУЖНО ВСЕ СПЛАНИРОВАТЬ И РАСПРЕ-**

ДЕЛИТЬ В МАСШТАБЕ ВСЕГО ГОСУДАРСТВА. В этом масштабе голос самого этого отдельного крестьянина слышен быть не может. Однако согласитесь, что только он, этот крестьянин, знает, сколько, чего и когда ему нужно. Только он и знает множество очень важных местных, существующих в каждый данный момент времени особых обстоятельств и деталей, определяющих продуктивность его работы и величину будущего урожая. Ни один из вышеуказанных государственных чиновников этого, ни всего, ни в отдельности, знать не в состоянии. Таким образом крестьянин может только выделять из себя труд, а как, когда, с помощью чего, в каких условиях он должен это делать, определяют государственные чиновники, представляющие в своем лице государство-собственника. Нужно ли эту ситуацию много времени обдумывать и обсуждать, чтобы понять **ПОЛНУЮ ЕЕ БЕССМЫСЛИЦУ, НЕИЗБЕЖНОСТЬ ОЧЕНЬ НИЗКОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ОГРОМНЫХ ПОТЕРЬ ТРУДА, СРЕДСТВ ТРУДА И САМОЙ ПРОДУКЦИИ.**

Представьте себе теперь, что именно крестьянин является собственником всего на своей земле и он сам покупает нужные ему инструменты, топливо, трактор, бензин и т. д., расплачиваясь продажей своей продукции на свободном, конкурентном рынке. Нужно ли удивляться, что производительность труда такого крестьянина окажется несравненно выше, чем в нашем первом примере, а потери сократятся до минимума? Конечно, нет. Представьте себе теперь такого крестьянина-собственника и в случае применения им наемного труда дополнительных работников. Можете ли вы сомневаться в том, что и в этом случае он будет таким же рачительным и расчетливым хозяином? Конечно, нет. Однако производство пищи и еще возрастет, безработных станет меньше. Даже производительность труда и еще возрастет (можно употребить более производительные машины).

Абсолютно то же самое сравнение можно сделать и в любой промышленности между директором—слугой государства, управляющим государственной собственностью, и директором, являющимся частным собственником предприятия. Ситуация первого так же бессмысленна и непроизводительна, как и в сельском хозяйстве, а ситуация второго так же осмыслена и производительна. Абсолютно то же самое и даже в большей мере относится и к системе производства духовной продукции и услуг.

Частная собственность и наемный труд позволяют таким образом хорошо организовать и использовать колоссальные творческие, созидательные силы всех индивидуумов огромного населения для общей пользы. Чтобы

превратить страну в процветающее государство, нужно ликвидировать государственную собственность и создать господство частной собственности и наемного труда.

Беда в том, что такое преобразование лишит власти и куска хлеба нынешний огромный аппарат государства. Им придется "перестриваться" больше и болезненнее всего. К сожалению также, века пропаганды социалистической идеи и 72 года вдальбления марксизма-ленинизма задурили голову большинству населения, лишив его простого здравого смысла и способности правильно ориентироваться в событиях. Инерция социалистической, марксистско-ленинской мысли представляет в данный момент самое трудное препятствие на пути в лучшее будущее. Однако переход к более производительному государственному устройству можно задержать (с большими потерями и несчастьями), но избежать его нельзя. Усредненная в веках линия развития человечества от цивилизации древнего Египта до современности есть линия неумолимого повышения общественной производительности труда. Человечество всегда исправляло свои ошибки, понижавшие производительность. Исправит и ошибку социализма.

Вопрос, следовательно, во времени и в просвещении масс. Кстати, и назвать неизбежную новую частнособственническую систему можно как угодно, хотя бы и ГУМАНЫМ СОЦИАЛИЗМОМ. Важно только понимать, что НЕГУМАНЫЙ социализм есть система всеобщей государственной собственности, которая и должна быть ликвидирована.

4. Напрасная надежда, что дефицит создан искусственно.

Некоторые экономисты надеются, что дефицит создан искусственно расхитителями и спекулянтами, панической скупкой населением товаров в запас, а что масса имеющих товаров и услуг фактически обеспечивает минимум потребительских нужд. Конечно, все это существует в СССР в невиданных и растущих масштабах. Однако достаточно рассмотреть даже приукрашенные цифры производства товаров и услуг, чтобы убедиться, что их количество на душу населения не только низко, но и уменьшается. Ряд необходимых товаров вообще перестает производиться. По расчетам академика Олега Богомолова ("Неделя" № 1 за 1990 г.), годовой доход населения в 1990 г. превысит производство товаров и услуг на 60—65 млрд. рублей. РЕАЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ, пишет он, СОКРАТИТСЯ И ЕЩЕ БОЛЬШЕ, НЕСМОТЯ НА РОСТ ДОХОДОВ. Потребить население может только то, что само произвело, ПРИ ЛЮБЫХ ДОХОДАХ. Дефицит создан

низкой (и понижающейся) ОБЩЕСТВЕННОЙ производительностью труда в социалистическом народном хозяйстве и распылением "по ветру" как самого труда, так и его продукции в результате присущей социализму дезорганизации экономики. (Примечание: общественной производительностью труда называется количество продукции, производимой на душу населения. Иначе говоря, это национальный продукт, поделенный на полную численность населения. Может, например, повыситься производительность труда самих трудящихся, но одновременно общественная производительность труда может понизиться и, следовательно, понизится средний уровень жизни населения, скажем, из-за роста численности непроизводящей части населения или из-за роста расходов на ее содержание. Именно общественная производительность труда определяет средний уровень жизни населения, а не сама по себе производительность трудящихся. Именно по этому показателю США отстали от Швейцарии и переместились с первого на одиннадцатое место среди государств Запада. Это, конечно, не привело США к нищете, так как общественная производительность у них очень высока и растет, но только медленнее, чем, например, у Швейцарии или Японии. В СССР она просто падает.)

5. Напрасная надежда, что введение рыночных отношений исправит экономику социализма.

Если оставить в силе господство государственной собственности, то введение рынка производительности не повысит, а ПОНИЗИТ. Ответственность-то за народное хозяйство останется за хозяином-государством, т. е. за советским правительством, Госпланом, Госснабом, Госкомцен и т. д. Может ли директор хозрасчетного, "самостоятельного", но принадлежащего государству предприятия быть его хозяином? Если он, скажем, начнет сокращать ненужную рабочую силу, демонтировать устаревшее оборудование и добывать (по блату) новое, заменять невыгодные изделия выгодными, привлекать хороших работников высокими зарплатами и, СООТВЕТСТВЕННО, устанавливать все более высокие цены на свою продукцию, т. е. начнет создавать безработицу, рост цен, хаос в ассортименте товаров и распоряжаться государственной собственностью на средства производства, как своей, могут ли правительство, Госплан, Госснаб и Госкомцен на такие действия не реагировать? Я уж не говорю о возможных ошибках директора. Я говорю о том, что он ОБЯЗАН делать, если он является НАСТОЯЩИМ хозяином. Ясно, что вмешательство государственного аппарата в действия "хоз-

расчетного" директора совершенно неизбежно и **АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМО**. Разработка государственных планов на следующие пятилетки идет полным ходом. Спрашивается, как же можно совместить любой пятилетний план государства, распространяющийся на все народное хозяйство, с самовольством и независимостью предприятий и их директоров, необходимыми для осуществления хозрасчета? Что делать, если здравый смысл и хозрасчет требуют от директора одно, а единый государственный план требует другое?

Ведь и в этом случае имеет место бессмыслица: планируют, приказывают и контролируют люди (Госплан), которые никак не в состоянии знать великое множество конкретных обстоятельств, с которыми имеет дело директор предприятия. Однако может ли государство планировать, но не требовать выполнения планов? Это было бы нелепо. Разве удивительно, что **СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ** государство просто **НЕ МОЖЕТ НЕ УЧАСТВОВАТЬ В УПРАВЛЕНИИ** "самостоятельным" предприятием в гораздо более существенной роли **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО** хозяина, а не **МНИМОГО** хозяина — "хозрасчетного" слуги государства. Вместо прежних прямых директив появляются "государственный заказ" и различные, обязательные для выполнения "хозрасчетным" директором "показатели" и отчетность. Не может не продолжаться и государственный контроль цен, т. е. их произвольное назначение Госкомцен. А как могут исчезнуть колоссальные ограничения деятельности "самостоятельного" предприятия в результате всегдашней дезорганизации народного хозяйства и вызванной этим необеспеченностью сырьем, полуфабрикатами, оборудованием и т. п.? Какой может быть хозрасчет, если предприятие **НЕ СМОЖЕТ КУПИТЬ (ВСЕ ДЕФИЦИТНО) НА ТАК НАЗЫВАЕМОМ РЫНКЕ ТО, ЧТО ЕМУ НУЖНО ДЛЯ НОРМАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА?** Опять государство должно будет вмешиваться и пытаться государственным распределением поправить вышеуказанные последствия дефицита, который даже увеличится из-за того, что рынок дезорганизует планирование. Спрашивается в то же время, как осуществить так необходимое воздействие потребителей на производителей, если все предусмотрено заранее государственным планом? С помощью жалоб потребителей государству на плановый произвол государства же? Ведь у потребителя в плановом хозяйстве выбора быть не может. План лишает население всякого воздействия на экономику. Опять мы возвращаемся к нежизнеспособности государственного планирования и к недостаточной производительности системы государственной собственности, неспособной обеспечить рынок всем необходимым.

6. Рынок без жестокой конкуренции продавцов не может отрегулировать экономику.

Все предприятия в СССР представляют собой, как правило, монополии. Ведь государственное планирование имеет задачу не допускать "потерь на дублирование". "Выгоднее" один гигант, чем много предприятий, выпускающих (дублирующих) одинаковую продукцию. (Обратите внимание, какую огромную дополнительную нагрузку на транспорт создает эта предписанная плановая гигантомания: ведь развезти продукцию даже одного гиганта по всему СССР очень дорогая и трудоемкая задача, а гигантов этих великое множество. До социализма проектировщики предприятий всегда определяли место на карте и размеры предприятия близостью к сырью и к потребителю, чтобы расходы и нагрузка на транспорт не стали слишком высоки. А в СССР все гигантское: гигантские предприятия и их объединения, гигантские Агропромы, гигантское централизованное снабжение и гигантское централизованное управление (попробуй свезти всех чиновников и руководителей в Москву и развезти их обратно). Какой транспорт может обслужить эту гигантоманию и централизацию? Гигантомания и на Западе создает непреодолимые транспортные проблемы. А ведь транспорт — это кровеносная система хозяйства. Ее склероз — это смерть народного хозяйства).

Монопольный производитель назначает монопольные цены (в точности, как спекулянт). Ясно, что "хозрасчетные" монополисты взвинтят цены, еще ухудшат качество и создадут полный хаос в ценообразовании и государство будет вынуждено опять вмешиваться в "самостоятельность". **ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЭТОМ СЛУЧАЕ БУДЕТ ДАЖЕ БОЛЕЕ "СПРАВЕДЛИВЫМ", ЧЕМ "ХОЗРАСЧЕТНОЕ" УПРАВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРАМИ-МОНОПОЛИСТАМИ.**

Кроме того, большинство экономистов и населения просто боятся отдать в руки самим директорам наиболее важные отрасли хозяйства, как производство сырья, машин, химикалий, энергии, топлива, как транспорт и производство средств обороны, т. е. всю тяжелую промышленность, так называемую группу "А". Даже самые радикальные программы общественных деятелей и неформальных групп в СССР оставляют тяжелую промышленность в собственности государства.

Века пропаганды социалистической идеи и 72 года марксизма и ленинизма так задурили головы и задушили логику и простой здравый смысл, что люди даже продумать этот вопрос не решаются, оставляя таким образом в силе все беды социализма в самой основе государства, в тяжелой промышленности, и

думая, что они эти беды ликвидируют. Почему-то в этом вопросе люди больше верят государственным чиновникам, чем директорам, не говоря уже даже о КОНКУРЕНТНЫХ частниках. Верят, несмотря на то, что именно социалистическое государство с его чиновниками есть причина всех бедствий страны. (Как правило, все эти и даже "радикальные" программы (как и новая "платформа" КПСС) полны хороших намерений: разрешить жилищный кризис, наполнить рынок товарами, создать конкуренцию производителей перед потребителем, обеспечить "здоровое" развитие образования, здравоохранения, обеспечить права человека и т. д. и т. п. Однако дело не в намерениях, а в том, как их осуществить).

Вот это-то и оказывается невозможным без ликвидации государственной собственности, а именно это, будучи самым главным, в программах не фигурирует. Осуществить-то "хорошие намерения" можно, ТОЛЬКО резко подняв общественную производительность труда, а государственное планирование и господство государственной собственности (т. е. социализм) на это неспособны. Какие права человека, если люди являются наемными работниками у главного работодателя — у государства? Кто платит зарплату, тот "и музыку заказывает", и все "права" определяет. Хорошие намерения и слова чудес не создают. Их создает правильное понимание и использование законов экономики и природы человека, завершающееся соответствующими действиями. А этого-то в программах и не видно).

Совершенно ясно, что государственное, субъективно-произвольное ценообразование ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ превратит "хозрасчетное" ценообразование ОСТАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (потребителя продукции тяжелой промышленности) в полнейшую фикцию. Мало того, очень низкая социалистическая производительность труда в государственной тяжелой промышленности создаст уже упомянутый мною дефицит в снабжении "хозрасчетных" предприятий ее продукцией, т. е. сырьем, химикалиями, энергией, машинами, топливом, и похоронит "хозрасчет" окончательно. **ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ХОЗРАСЧЕТ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ, Т. Е. ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ, НЕВОЗМОЖЕН.**

Смешивание в социалистическом государстве взаимно исключаящих плановых взаимоотношений и товарно-денежных, рыночных, т. е. хаотических взаимоотношений, только подорвет административное государственное управление народным хозяйством, не приведет к саморегулированию. Саморегуляция происходит только при жестокой конкуренции действительно независимых производителей

перед действительно независимыми потребителями и, следовательно, при избытии выбора товаров и услуг, когда потребитель, покупая или не покупая тот или иной товар или услугу, диктует всему народному хозяйству, что, в каком количестве и качестве, за какую цену производить. В этом случае народное хозяйство полностью выполняет свое назначение удовлетворять нужды населения. В этом случае производители вынуждаются конкуренцией работать "по способности" и награждаются зарплатами и прибылями "по труду", т. е. соответственно тому, как они служат обществу, удовлетворяя его нужды. Именно в этом случае осуществляется высшая справедливость лозунга: "От каждого — по способности, каждому — по труду". Субъективно-произвольное управление социализма не может осуществить этот лозунг совсем. **ПЛАНИРУЕМАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ И АВТОМАТИЧЕСКИ САМОРЕГУЛИРУЕМАЯ СИСТЕМА КОНКУРЕНТНОГО РЫНКА ДРУГ ДРУГА ПОЛНОСТЬЮ ИСКЛЮЧАЮТ.**

Следует отметить и следующее лобопытное свойство жестокой конкуренции. КАЧЕСТВЕННЫЙ товар или услугу невозможно произвести, обманывая природу, действуя против законов природы и экономики. А некачественный товар не будет куплен. Поэтому жестокая конкуренция является школой честного труда, точного расчета и ответственности. Получить прибыль при жестокой конкуренции невозможно без честно и слаженно, с желанием работающего коллектива. Вспомните Заповеди библейско-христианской религии и вы убедитесь, что они являются правилами именно такого успешного коллективного труда. Таким образом, жестокая конкуренция есть также школа следования Заповедям. Школа высокой ответственности перед обществом и высокой нравственности для производителей. Наоборот, монополизм производителей (и государственная собственность) есть школа безответственности и безнравственности.

Таким образом, опять вопрос упирается в импотентность системы государственной ("общеплановой"), т. е. ничейной, собственности социализма и в ее крайне низкую общественную производительность труда. Рынок без конкуренции не может исправить социализма, а социализм не может создать конкуренции.

7. Техника, сама по себе, не является средством повышения производительности труда.

Каждый экономист со школьной скамьи знает, что повышение производительности осуществляется с помощью более совершен-

ных машин, инструментов, процессов, т. е. требует больших вложений именно в тяжелую промышленность, т. е. в "группу А". Именно потому и Сталин во главе всего социалистического (ленинского) хора напирал на индустриализацию и считал, что она обеспечит изобилие товаров и услуг автоматически. Так, между прочим, считают и все западные экономисты. Беда в том, что вложения в группу "А", т. е. в тяжелую промышленность и в индустриализацию, в СССР не достигают цели: производительность не растет, а даже падает. Вложения в группу "Б" в СССР, как всегда, так и сейчас, ничтожны. В 1940 году вложения в группу "Б", т. е. в производство товаров потребления, составили всего 5,8% всех вложений. В 1970-м — 5,3%, а в 1987-м — 4,1% (В. Селюнин. "Новый Мир" № 10, 1989 г.). Остальное тратится на группу "А". На 1990 г. запроектирована аналогичная ничтожная цифра. Причина бедствия в том, что дело не в самой по себе технике, а в том, какой ее создают и как ее используют сами трудящиеся. Создают они ее плохой, а используют и того хуже. Социализм и в этом себя проявляет: и старая, и новая техника не работает. Таким образом, и техника, всегда и везде (в заинтересованных (КОНКУРЕНТНЫХ) руках) повышавшая производительность труда, при социализме только еще больше пускает по ветру труд и ресурсы, пошедшие на ее создание, понижая, а не повышая общественную производительность труда.

8. Реконверсия военной промышленности не поможет.

Многие в СССР (и наблюдатели за рубежом) надеются на "реконверсию" части предприятий, работающих на вооружение, в предприятия производства товаров потребления. В военных предприятиях, однако, зарплаты много выше. Накладные расходы тоже много выше. Желания у работников военной промышленности менять профессию и снижать свои заработки тоже мало и это вполне естественно. В результате "реконверсированные" военные предприятия цен не понижают, а повышают. Производительность от этого тоже не растет. Это участие военной промышленности в производстве товаров потребления началось давно, еще при Хрущеве и Брежневом. Продолжалось все время и только сейчас, увеличившись в масштабе, получило новое название — "реконверсии". Дело в том, что военное производство при социализме никогда не было стеснено вопросами экономии средств, повышения эффективности производства и т. п. ограничениями. Кроме того, обеспечение военных нужд является куда более простой задачей для социалисти-

ческого планового управления, чем обеспечение плохо предсказуемых нужд многообразного и огромного населения. Переход "изнеженной" и всегда чрезвычайно привилегированной военной промышленности СССР на "жесткие" режимы гражданской промышленности не улучшит потребительского здоровья остального народного хозяйства и, пожалуй, деморализует и военное производство. "Реконверсия" подправить социализм не может.

9. Надежды на "смешанную" экономику тоже не оправданы.

Экономисты СССР оглядываются на Запад и его "смешанную" экономику. Раз на Западе она "работает", значит, и нам, в СССР, можно подпустить некоторое количество кооперативов, акционерных компаний, даже частных (но без наемной рабсилы, во избежание, упаси Бог, "эксплуатации человека человеком"). О том, что социалистическое государство, произвольно занижая зарплаты (смотрите ниже), осуществляет "эксплуатацию человека человеком" в невиданном ранее грандиозном масштабе, умалчивается. Можно, думаю они, этим и подправить социализм, и оставить его (и его аппаратчиков) хозяином положения. Запад начал "смешивать" экономику и вводит социализм сразу после Второй мировой войны, но без всякой революции. Англия, например, тихо, актами Парламента национализировала всю тяжелую промышленность, всю группу "А" и часть группы "Б". После кратковременного периода энтузиазма, буквально через всего десяток лет, Запад ощутил явственный вред от примеси государственной собственности, как и в СССР, приводившей к огромным убыткам и к дезорганизации. Профсоюзы, зная, что правительство субсидиями не допустит разорения государственных предприятий, сделало их своей главной мишенью забастовок с целью выколачивания высоких зарплат и всяких привилегий за меньший труд. Это и еще добавило дезорганизации и убытков. (Как только трудящиеся в СССР почувствовали слабость системы принуждения, они тоже немедленно использовали те же забастовки для аналогичного давления на государство-собственника. Крайне сомнительно, чтобы они забастовали бы у КОНКУРЕНТНОГО частного: во-первых, разорится и сделает всех безработными, а во-вторых, (как везде) КОНКУРЕНТНЫЙ частник в погоне за прибылью вынужден заботиться и о высокой трудовой морали работников, и о достаточно высоких их зарплатах много лучше неэффективного государства).

Смысл западного опыта таков, что чем больше к частнику примесей государственной

и вообще коллективной и общественной собственности, тем больше тормозится рост общественной производительности труда. Так или иначе, везде на Западе государственная собственность уже почти распродана. Производственные кооперативы всегда не выдерживали конкуренции частника. Их на Западе (даже в Швеции) нет. Остались лишь в небольшом числе кооперативы для сбыта сельскохозяйственной продукции и продукции мелких предприятий. Даже потребительских кооперативов (экономящих небогатым потребителям гроши оптовой закупкой) почти не осталось. Швеция, практиковавшая государственное социалистическое регулирование народного хозяйства и развивавшая (не производственные) кооперативы, начала из-за этого беднеть и спешно перестраивается. (Смотрите об этом мою статью "Шведские впечатления"). Конечно, по сравнению с крайней неэффективностью государственных предприятий кооперативы много производительнее. Однако перед частником и даже корпорациями на Западе они полностью пасуют.

На Западе в самое последнее время появилась и тенденция к продаже именно в частную собственность даже и акционерных компаний (корпораций), страдающих пониженной эффективностью и убытками по сравнению с частником. По американским данным, в благополучном для корпораций 1974 г. прибыль у 11 миллионов частников достигала, В СРЕДНЕМ, 14%, у 1 миллиона партнерств (двое или более владельцев — ближе к кооперативу) была уже ниже — 6,4%, а у 2 миллионов корпораций (акционерных компаний) оказалась ниже всего — В СРЕДНЕМ, 4,75%. Мировой опыт дает возможность расположить формы собственности по их ВОЗРАСТАЮЩЕЙ производительности в следующем порядке: государственная собственность, коллективная собственность кооперативов и негосударственных корпораций, собственность партнерств, конкурентная частная собственность. (Это не случайно, что чем больше равноправных членов правления в организации, тем бюрократичнее, безответственнее и непроизводительнее она становится). Наемные управители корпораций, как и любые наемные трудящиеся, больше всего заинтересованы в своих зарплатах и привилегиях, а гораздо меньше во благе корпорации и в доходах ее владельцев-акционеров. Это неоднократно отмечалось и подчеркивалось в западной печати. В СССР все являются наемными трудящимися (от рядового рабочего до членов Политбюро). Все имеют потребительский личный интерес, т. е. хотят побольше зарплат и привилегий за меньший труд. В СССР нет частника с наемной рабсилой. Будучи заинтересован в прибыли,

он мог бы противостоять своим трудящимся, требуя от них больше и качественного труда с оплатой в соответствии с производительностью. Только у частника личный интерес является производительным, а не потребительским. Вот все в СССР, будучи наемными трудящимися, и грабят экономику и самих себя. В этом беда государства трудящихся, т. е. социализма. Трудящиеся, сами по себе, могут только разорять себя. Превратиться в мощную производительную силу они могут только с помощью хозяина — частного собственника. В этом смысле лозунг "вся власть трудящимся" чрезвычайно опасен ДЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ: может их привести и приводит к нищете и к превращению их в государственных или общественных рабов. Лучше лозунг "вся власть народу", который вполне реально осуществляется в частнособственническом народном хозяйстве с жестоко конкурентным рынком, самоуправляемым самим населением, т. е. народом. По сути, ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ МИЛЛИОНОВ И МИЛЛИОНОВ ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЕСТЬ ФОРМА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАРОДНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. В УСЛОВИЯХ ЖЕСТОКОЙ КОНКУРЕНЦИИ ОНА, КРОМЕ ТОГО, НАХОДИТСЯ ПОД СТРОГИМ КОНТРОЛЕМ И ДИКТАТОМ ИМЕННО НАРОДА. Частник-то и сам происходит из народа и является частью свободного народа.

Важно теперь подчеркнуть, что такая система господства конкурентной частной собственности НЕ ЯВЛЯЕТСЯ системой капитализма. КАПИТАЛИЗМ МОЖНО ТОЧНО ОПРЕДЕЛИТЬ КАК СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ С ПОМОЩЬЮ КАПИТАЛА, Т. Е. ДЕНЕГ. Что касается частной собственности на средства производства и наемного труда, то они существовали тысячи лет до появления капитализма и, сами по себе, его не характеризуют. Капитализм больше характеризуется экономическим и финансовым господством акционерных компаний, т. е. корпораций. Акционерные же компании являются собственностью миллионов акционеров, т. е. являются коллективной, общественной собственностью, а совсем не являются частной собственностью. К сожалению, экономисты мира до сих пор называют частной собственностью все, что не принадлежит государству, и валят в одну кучу и общественную или коллективную собственность вместе с частной собственностью. (Поразительно, что эти экономисты, однако, претендуют на знание экономики и способность ею управлять, пренебрегая в то же время экономическим фактором такой первостепенной важности).

Корпорации, господство которых характеризует капитализм, оформились впервые в 1773 году в Англии. Любопытно, что наемные трудящиеся — менеджеры корпораций — не

несут материальной ответственности за деятельность корпораций, так как юридическим хозяином являются безличные миллионы акционеров. (Это зафиксировано в названиях корпораций, заканчивающихся словами Limited или Plc., т. е. "с ограниченной ответственностью" или "Общественно ограниченная компания"). Иначе говоря, корпорации по закону безответственны. Кроме того, наемное управление корпораций является также коллективным (коллегиальным), а не личным. "Найти концы" в корпорации почти так же трудно, как и в социалистическом государстве. Общественные имущество и деньги корпораций (как и государственная собственность в СССР) тоже являются плодородной почвой для коррупции, взяточничества, расхищения, присвоения, кумовства и других "прелестей". Эти корпоративные злоупотребления являются на Западе буквально массовыми. Поток скандальных судебных процессов по злоупотреблениям наемных трудящихся — менеджеров различных корпораций — на Западе не прерывается и на день. Явная необходимость "учета и контроля" общественных денег и имущества корпораций ведет также к чрезвычайной бюрократичности корпоративного управления, практически, однако, не влияя на число злоупотреблений.

Государство и банки, управляя народным хозяйством с помощью денег (капитала), делают это тоже по своему разуму (субъективно, как и при социализме) и стремятся довести свое управление до полного (тотального). Поэтому конкуренция и при капитализме является силой, враждебной управлению капиталом. Она может разорить, "путает карты" управления, усложняет и ухудшает его. Ее тоже стараются ликвидировать и превратить "направляемое" капиталом народное хозяйство в тотально управляемое. Однако пока тотального управления еще нет, "направляемость" оставляет существенную свободу творческим силам миллионов граждан, и это дает огромное экономическое (и социально-политическое) преимущество капитализму перед социализмом.

Любопытно, что административное (по директивам разуму) управление социализма требует наивысшей концентрации и централизации АДМИНИСТРАТИВНОЙ ВЛАСТИ в руках правителей и полного лишения этой власти рядового населения. (От вмешательства масс единству социалистического управления, конечно, не поздоровилось бы). Управление (по директивам разуму) капиталом, естественно, требует концентрации и централизации КАПИТАЛА в руках правителей и достаточного лишения капитала рядового населения и экономики. (Как управлять населением или экономикой с помощью денег, если у них и своих денег было бы

достаточно?) Социализм поэтому имеет механизм "перекачки" власти от населения к правителям, а капитализм имеет "мощные насосы" (невиданное ростовщичество банков) для перекачки денег из карманов населения и экономики в сейфы правителей. В английских газетах можно было неоднократно читать жалобы: "ЖИРНАЯ голова Сити (денежного центра Англии в Лондоне) господствует над ИСТОЩЕННЫМ телом экономики".

Таким образом, капитализм и социализм являются родственниками, хотя и дальними. Можно также считать капитализм недоделанным социализмом. Однако, пока капитализм недоделан и пока народное хозяйство только "направляется", а не тотально управляется капиталом, творческие силы миллионов граждан еще полностью управлением не задвлены, и это дает огромное преимущество в производительности капитализму перед социализмом.

Монополизм и гигантизм, ослабление конкуренции и усиление "направляемости" экономики, особенно в небольшом государстве Англии, начинает подрывать народное хозяйство капитализма, и экономисты начинают думать об альтернативах. Капитализм начинает эволюционировать, но не к тотальному управлению капиталом и к социализму, а к новой, самоуправляемой системе.

Будущая новая система народного хозяйства появится как результат следующего этапа в многотысячелетнем развитии человечества, когда на первый план выступят не управители, а сами человеческие массы как огромное многообразие уникальных независимых личностей, требующих свободы индивидуальной деятельности.

10. Чрезмерная преступность есть результат социализма и его гниения.

Как человек может реализовать свой природный инстинкт собственного, индивидуального творчества, если все обязаны выполнять единые директивы государства? Если все население увязано в жесткую систему централизованного управления, ставящую всех в полную зависимость ото всех? Индивидуальное творчество в рамках социалистических законов невозможно. Поэтому и распространяется незаконное личное творчество в форме "теневой" экономики, т. е. в форме экономических преступлений. Люди творчески используют дефекты социализма в свою пользу с помощью как подпольной экономической деятельности, так и бюрократизма, расхитительства, взяточничества, блата, кумовства и т. д. и т. п., собственных государственной и общественной собственности. (Нелепо думать, что люди являются бюрократами, взяточниками, расхитителями и т. п. по их природе,

а не для извлечения личной пользы. Это — абсурд). Чем больше гниет социализм, тем больше становится этих преступлений. Колоссальный рост организованной преступности тоже выражает необходимость в личном творчестве в области организации. Значительная часть и неорганизованной преступности и вообще антисоциального поведения, особенно молодежи, тоже вызвана социалистическим удушением личного творчества. Заметьте, что при этом люди начинают нарушать не только антитворческие законы социализма, но и законы общечеловеческой нравственности. **ТВОРЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ ЛЮДЕЙ, НЕ ИМЕЯ НОРМАЛЬНОГО ВЫХОДА, РАЗРЫВАЕТ РАМКИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЗАКОНОВ.** Вы понимаете, конечно, что я имею в виду вполне нормальную часть населения.

Есть, конечно, и люди с болезненным антисоциальным и преступным поведением. В СССР их не больше, чем везде, и они не составляют главного числа преступников. Главное число преступников создано социализмом, его законами и, тем более, его гниением. Без освобождения творческой энергии миллионов и миллионов индивидуумов этих преступлений не ликвидировать. Дайте людям свободу нормальной индивидуальной творческой деятельности, и "преступники" займутся созидательной деятельностью вместо разрушительной. МВД СССР представило Съезду народных депутатов любопытные цифры. Число зарегистрированных преступлений росло вплоть до 1985 г. (2 млн. 95 тысяч). Затем снижалось (появились надежды на свободу индивидуальной деятельности) до минимума в 1987 г. в 1 млн. 799 тысяч. Затем стало быстро расти (надежды стали исчезать) и к 1989 г. достигло 2 млн. 504 тысяч. МВД (понимая, что социализм остается в силе) предсказывает дальнейший рост числа преступлений до 2 млн. 800 тысяч к 1995 г.

Нужно объявить свободу частной собственности, свободу индивидуальной и любой торговли, свободу любой (не уголовно преступной) деятельности и индивидуального предпринимательства, свободу найма и увольнения рабочей силы, свободу устраивать свою жизнь каждому по-своему, т. е. нужно ликвидировать социализм и, не переходя к капитализму, перейти к будущему для всего человечества самоуправлению конкурентным рынком частных производителей. Нужно иметь в виду, что снижение прибылей корпораций и необходимость увеличения общественной продуктивности вынудит и капитализм к такому же переходу, но не в порядке революции, а в порядке постепенной реорганизации с целью сохранения прибылей у экономики и доходов у государства, т. е. с целью повышения эффективности.

11. Человечество находится в своем развитии на рубеже новой эпохи.

Тысячелетиями человечество развивало и совершенствовало централизацию, концентрацию, гигантизацию и монополизацию (ЦКГМ) как средство улучшения своей жизни. (Социализм есть наивысшая достигнутая ЦКГМ). ЦКГМ, включающая в себя многослойную иерархию управления и подчинения, позволяла немногим талантливым управителям организовывать труд многочисленных "темных" масс необразованных, малосведущих людей, тем самым повышая общественную производительность труда и средний уровень жизни населения. Темные массы нуждались в вождях, фараонах, королях и начальниках, чтобы лучше жить. И пока эти фараоны и вожди выполняли свою задачу, массы их поддерживали. (Иногда, по инерции, терпели и без пользы для себя. Все зависело от самооценки масс). Когда польза исчезала, ЦКГМ начинала гнить, лишалась поддержки масс и неизменно, рано или поздно, тем или иным способом разрушалась и ликвидировалась. Так закончились знаменитые египетская, греческая и римская цивилизации. Так будет покончено и с социализмом.

Параллельно процессу развития и совершенствования ЦКГМ шел тоже многотысячелетний и главный процесс развития самосознания масс. Управляемые массы тоже учились и просвещались самим процессом жизни и труда. Постепенно массы стали превращаться в колоссальное многообразие личностей, знающих свою цену и желающих активно воздействовать и на производство, и на управляющую систему ЦКГМ и иерархии. Оба эти процесса, вполне закономерно, в последнее столетие чрезвычайно ускорились. ЦКГМ и иерархия управления подходят к тому, чтобы распространиться на весь мир, приведя всех и все к СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ЕДИНОМУ УПРАВЛЕНИЮ И СТАНДАРТУ. Процесс же просвещения масс и превращения их в огромное многообразие НЕСТАНДАРТНЫХ личностей врезается в ход первого процесса и, как главный и первичный, стремится обратить его вспять. Можно не сомневаться, что возобладает, в конечном итоге, первичный процесс и заменит ЦКГМ и многослойную иерархию, грубо говоря, на децентрализацию, деконцентрацию, дегигантизацию, демонополизацию (ДДДД), приводя общественные структуры организации и управления в соответствие с новыми свойствами людей как уникальных личностей.

Люди в массе почувствовали приобретенную за тысячи лет уникальность своей личности и ОСТРО ПОЧУВСТВОВАЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАВОЕВАТЬ ПРАВО ОТЛИЧАТЬСЯ ДРУГ ОТ ДРУГА. Право быть нестан-

дартными, право жить по-своему, по своей традиции, со своим языком, по своим законам и правилам. Это привело и к появлению несколько веков тому назад национального вопроса как более мощного и очевидного выражения этой дифференциации людей, их нежелания долее подчиняться стандартизирующему воздействию ЦКГМ. Национальный вопрос, таким образом, возвещает новую эпоху в истории человечества: ЗАМЕНЫ ЦКГМ И МНОГОСЛОЙНОЙ ИЕРАРХИИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ НА ДДДД. Эпоху, когда структуры управления обществом будут вынуждены перестраиваться именно так, чтобы люди имели возможность жить и творить индивидуально, по-своему, взаимодействуя и сотрудничая с другими, также независимыми личностями. Не трудно видеть, что радикальное разрешение национального вопроса и состоит в ликвидации ЦКГМ и в создании действительно самоуправляемого общества. Появится, кстати, необходимость в знании каждым образованным гражданином именно трех языков: родного, общегосударственного и международного. Без этого трудно понимать друг друга и сотрудничать.

Многотысячелетний период диктата начальников, фараонов и вождей в ближайшее столетие придет к концу. У развитой части человечества появятся лидеры, но не типа правителей, а типа организаторов и носителей мудрости жизни. Типа примера для подражания.

Между прочим, ЦКГМ и многослойная иерархия Европейского Экономического Сообщества уже начинает повреждаться. Правительство Англии, например, уже сопротивляется дальнейшей ЦКГМ и иерархизации с их бюрократией и безответственностью. Нет сомнений, что в ближайшие десятилетия ЕЕС либо распадется, либо будет вынуждено на замену ЦКГМ и иерархичности на другую, ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННУЮ систему сотрудничества и интеграции. Легко понять, что частнособственническое, рыночно конкурентное, самоуправляемое (истинно демократическое) народное хозяйство обеспечит каждому возможность жить по-своему, по своим способностям и, в то же время, жить в общем содружестве, как в данной стране, так и во всем мире. Желание людей жить по-своему отнюдь не исключает мировой кооперации и интеграции. И нации, и многонациональные государства могут жить сообща и в мире. Национальный вопрос автоматически исчезнет. Нации сохранятся и получат полную возможность развивать национальную культуру как полноправную часть мировой человеческой культуры и цивилизации. (Кстати, чем больше многообразия культур, тем больше возможностей для положительного развития человечества и его выживания). Империи и дикта-

туры превратятся в мировые КОНФЕДЕРАЦИИ суверенных и автономных государств, республик, областей и общин.

Я думаю, мое определение истинной демократии будет здесь к месту. Истинная демократия есть такая структура общества, которая обеспечивает КАЖДОМУ ОТДЕЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕКУ возможность жить и трудиться по-своему, в соответствии со своими творческими, созидательными способностями и талантами в рамках правил общежития и сотрудничества (живи и давай жить другим), превосходно сформулированных в Заповедях библейско-христианской религии. Жить и трудиться по лозунгу: "От каждого — по способностям, каждому — по труду". В истинной демократии не будет тирании большинства над меньшинством. Не будет устаревшей и неэффективной партийной системы управления с ее примитивными и узко ограниченными идеологиями. Общество будет самоуправляемым. Этому определению и удовлетворяет нарождающееся будущее частнособственническое хозяйство, самоуправляемое народом с помощью жестоко конкурентного рынка. Хотелось бы подчеркнуть, что человечество в ходе тысячелетий резко изменилось, и привычные общественные структуры (включая социализм и капитализм) его более не могут удовлетворить. Достигшая грандиозных размеров миграция человечества показывает, что люди начинают сознательно искать лучших форм жизни не только у себя дома, но и за его пределами. Человечество пришло в движение вопреки воле начальников и вождей, старающихся держать его в узде.

12. Нельзя улучшить жизнь без увеличения продуктивности.

Грустно было читать, как Съезд народных депутатов СССР поспешил чуть-чуть поднять ничтожные пенсии, увеличить привилегии матерей с малыми детьми и предпринял ряд других попыток облегчить тяжелую жизнь масс населения. Беда в том, что и пенсионерам, и матерям, и любым другим людям нужны не рубли (и даже не золото и драгоценности, которые все стараются скупать), а реальные товары и услуги. Нужно увеличить количество и качество продукции. Нужно увеличить производительность труда, а она не растет, а снижается. Поэтому дополнительные рубли не дадут людям ничего кроме инфляции. Горбачев тоже пообещал бастующим шахтерам улучшить их снабжение. За счет чего же? Ведь это дополнительное снабжение можно обеспечить лишь дополнительным производством товаров потребления. Для этого нужно поднять производительность группы "Б". А производительность группы

“Б” определяется сырьем, машинами и всей новой, более производительной техникой, т. е. продукцией группы “А”. Однако при социализме это все не работает. Вот и остается Стезду и Горбачеву отнимать у Петра, чтобы дать Ивану. Опять все дело в увеличении производительности труда, которое не по зубам ни экономистам, ни социализму.

13. Дело далеко не только в плохой жизни, а и в свободе.

Будет ошибкой считать, что все дело в СССР в ликвидации дефицита и нищеты. В ГДР и в Чехословакии дефицита почти не было, но революция произошла. Люди за много тысяч лет развития изменились, стремятся к независимости, не хотят больше терпеть бесперспективности, бессилия помочь самим себе. Им нужна СВОБОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (в рамках Заповедей). Они заинтересованы не только в удовлетворении насущных материальных потребностей. У всех есть и весьма сложные и разные духовные потребности, которые тоже требуют удовлетворения. Одна из главных таких духовных потребностей есть потребность в творчестве, в ощущении пользы своей деятельности и для себя и для других. Потребность в ощущении смысла и направления своей жизни. А без свободы созидательной индивидуальной деятельности эти потребности удовлетворить невозможно. Социализм с его единым государственным управлением этой свободы не может дать в принципе. Он должен быть ликвидирован и заменен истинной демократией, самоуправлением беспартийного народа. Все, а не только социалистическое человечество находится на новом этапе своего развития.

14. Какой может быть действенная программа на ближайшее время?

Итак, необходимо почувствовать и понять, что человечество находится на рубеже следующей, совершенно новой эпохи, которая, я думаю, будет эпохой истинной демократии, по моему определению, так как именно она может продолжить многотысячелетнюю линию повышения материальной и духовной продуктивности. Конкретно, пришло время обеспечить свободу индивидуальной, творческой, созидательной деятельности миллионов и миллионов граждан СССР. Именно энергия всех 280 миллионов граждан огромного населения огромной страны, если ее освободить, может вывести страну из тупика социализма и его материальной и духовной нищеты. Спрашивается, как это сделать быстро и без насилия и гражданской войны? Рецепт мною уже дан

выше: нужно переходить к господству частной собственности и частного предпринимательства, управляемых самим населением через жестоко конкурентный рынок. А как же быть со всем огромным государственным сектором? Его следует оставить, как правильно советуют 46 руководителей АвтоВАЗА (“Аргументы и факты” номер 2 от 13 — 19. 1. 1990), таким, каким он есть, со всеми его произвольными ценами, субсидиями, дотациями и планированием. Одновременно дать полную свободу любой (не уголовно преступной) деятельности любому гражданину и любому частному предпринимателю с наемной рабочей силой или без. Не душить их налогами, враждебными законами, отказом в кредите или огромными процентами на кредит (узаконить 5% максимально, как в Швейцарии). Как только частник расплодится в миллионах и миллионах, он завалит рынок товарами и услугами. Появится жесткая конкуренция, и цены начнут снижаться. Цены начнут снижаться с самого начала, с появлением даже первого миллиона частников. В результате повышения производительности труда.

Малопроизводительные частники будут разоряться и заменяться более эффективными. Государственный сектор будет вынужден снижать цены и разоряться. По мере его разорения и вытеснения частником, придется сначала преобразовывать его в СОБСТВЕННОСТЬ его работников, в акционерные компании со свободной продажей и покупкой акций. (Купить-то огромные предприятия частник будет не в силах). Многие объединения придется расщеплять на несколько самостоятельных акционерных компаний. При этом следует законом ограничить размеры любой акционерной компании (корпорации) и любой фирмы, организации, объединения, скажем, 1000 работниками во избежание создания новых монополий и гигантов. (Размер этот достаточен для любого производства). Придется превращать и государственные банки в акционерные компании с законодательным предотвращением их ростовщичества. Разрешить законом и частные банки. Оставить один государственный банк для выпуска общегосударственных дензнаков по решениям парламента.

В конечном итоге более эффективные частники своей конкуренцией вытеснят и ликвидируют весь неэффективный госсектор и обеспечат себе и конкурентному рынку господство, а населению дадут контроль над ними самими.

Что делать всем миллионам аппаратчиков номенклатуры и суперноменклатуры? Нужно ли их всех немедленно изнасиловать и ликвидировать? Ни в коем случае. Им неизбежно придется в перестройке участвовать наиболее

непосредственно. В нашей огромной стране найдется и работа, и заработок каждому человеку любой профессии. Кроме того, ликвидировать социализм не значит ликвидировать государственное управление вообще. У государства останется множество функций, как оборона, сохранение природы, обеспечение законности и порядка, обеспечение арбитража и координации, обеспечение конкуренции, организация помощи экономически неуспешной части населения и т. п. Уверяю вас, работа найдется большинству номенклатурщиков и, тем более, наиболее способным из них. Мое очень широкое личное знакомство с номенклатурой показывает, что большинство из них — честные и компетентные люди, поставленные лишь, как и все население, в невозможные условия их деятельности системой социализма. И следует прекратить поиск всяких "виновников". Винаваты все, подчиняясь и служа нечеловеческой, насильственной системе. Не было бы социализма, не было бы и "виновников". Конечно, никакая деятельность невозможна без владения землей. Я имею в виду владение не в форме собственности на территорию. Территория есть дар природы, и она не есть продукт человеческого труда. Значит, она не должна быть товаром и собственностью. Собственность на дар природы—территорию—порождает спекуляцию и нехватку места для жилищ и производства. (Территорию, место на планете не увеличишь. Они людьми не создаются и не производятся). Собственность на место понижает общественную производительность труда, так как такие собственники могут жить чужим трудом.

Я имею в виду владение землей в форме пожизненной и наследственной (предпочтительно бесплатной, так как это дар природы) аренды С ПРАВОМ ПРОДАЖИ ВСЕГО, ЧТО СОЗДАНО НА ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ ТРУДОМ ЧЕЛОВЕКА, ЛЮБОМУ ДРУГОМУ ГРАЖДАНИНУ С АВТОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧЕЙ ЕМУ АРЕНДЫ. Арендатор не сможет продавать место, само по себе. (Это очень хорошо представил в своей статье ("Московские новости" номер 2 от 14 января 1989 г.) академик ВАСХНИЛ и народный депутат Владимир Тихонов). В этом вопросе нерешительность Съезда народных депутатов является трагедией, так как без полного владения землей для частных и независимых граждан, предпринимателей, фермеров-крестьян не поднять ни производства пищи, ни производства вообще. Нужно немедленно обеспечить владение участком земли определенных размеров любому желающему гражданину. Распределение территорий должно быть в руках местных Советов.

Что произойдет с нынешними бедствиями непрерывного роста цен (инфляции), всеоб-

щего дефицита, растущей скрытой и открытой безработицы, неуверенности в завтрашнем дне? Господство КОНКУРЕНТНОГО частника обеспечит резкий рост общественной производительности труда и ликвидирует дефицит. Конкуренция и эффективность частника обеспечат падение цен в соответствии с ростом производительности. Кроме того, частник кровно заинтересован в тщательном собственном, индивидуальном планировании, в дружной, хорошо организованной работе коллектива своих работников, в тщательном учете. Он не может без разорения допустить роста зарплат без роста продуктивности, т. е. является превосходным барьером против инфляции, являющейся результатом повышения зарплат и налогов (или занижения зарплат) без соответствующего повышения производительности. Предприниматели с наемной рабочей силой и без нее, если они не будут удушаться налогами и законами, расплодятся и полностью ликвидируют и скрытую, и открытую безработицу. Потеря работы (или жилища) перестанет быть проклятием, так как найти новую работу (и новое жилище) будет нетрудно. Отсутствие безработицы, стабильно низкие цены, выбор всего, что необходимо для жизни (включая жилища и транспорт), ясная перспектива будущего ликвидируют и неуверенность в завтрашнем дне.

Очень важно не попасть в убийственную кабалу западных банков. Увлечение западной помощью может превратить СССР в колонию Запада и отвлечь внимание и силы от подъема собственной экономики. Таможенные границы нашей страны должны защитить развитие отечественной экономики от удушения напором международных промышленно-финансовых гигантов. Когда наша экономика поднимет производительность труда и станет конкурентноспособной и на внешнем рынке, только тогда можно будет осторожно открыть барьеры.

15. Необходимое напоминание о налогах.

Трудящиеся производят весь национальный продукт. Однако кроме трудящихся и их семей в любом государстве (с начала истории) существует значительная часть населения, которая не участвует непосредственно в производстве национального продукта, как государственный аппарат, армия, полиция, инвалиды, старики и многие другие. Они тоже должны жить. Кроме того, какая-то часть национального продукта должна быть направлена на вложения в совершенствование народного хозяйства. Таким образом, трудящиеся не могут получить в свое распоряжение все, что они произвели. Это распределение национального продукта происходит с по-

мощью, соответственно, чистых зарплат (включая доходы предпринимателей), государственных налогов и чистых прибылей. ("Чистых", т. е. за вычетом налогов, чтобы отделить три статьи распределения национального продукта друг от друга). В США, для примера, доля чистых зарплат в цене национального продукта составляет 45—50%, доля всех налогов и сборов (федеральных, по штатам и местных) составляет 45—50%, а доля чистой прибыли составляет около 5%. (Сумма, конечно, должна быть 100%). Таким образом, из всего национального продукта, который произвели трудящиеся, в США они получают себе в виде зарплат только, примерно, половину. Остальное идет на обеспечение производящей части населения. Социалистическое государство в СССР является единственным работодателем. Ему нет никакой необходимости в каких бы то ни было налогах, так как оно может сразу вычитать все необходимые суммы (налогов и прибылей) из зарплат. Однако государству приходится идти и на налоги, во избежание уж очень низких зарплат. По расчету, в нынешнем СССР полная доля налогов (составленных из налогов и занижения зарплат) составляет около 80—85% всей цены национального продукта. Иначе говоря, трудящиеся СССР получают из того, что они произвели, в свое распоряжение только 15—20% (вспоминаете эксплуатацию?). Остальное отбирается государством в его распоряжение.

Государство уже ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ возвращает некоторым трудящимся часть изъятого у них продукта в виде разных субсидированных или "бесплатных" благ. Как социалистическое государство распределяет всю огромную (80—85%) часть национального продукта, отнятую у трудящихся, представляет собой строго охраняемую тайну.

Обратите внимание, что продажная цена национального продукта включает в себя и зарплату, и налоги, и прибыли. Поэтому рост и зарплат, И НАЛОГОВ (или занижения зарплат в СССР), и прибылей без роста производительности создает инфляцию. Главными виновниками в ней являются зарплату и налоги. Прибыли слишком малы, чтобы существенно влиять на инфляцию. Это, конечно, не значит, что монополист не может поднять цену КОНКРЕТНОГО товара или услуги до небес и получить огромную прибыль. В масштабе государства этого произойти не может.

Итак, необходимость налогов и их главная цель — обеспечивать содержание государства и той части населения, которая в производстве товаров и услуг непосредственного участия не принимает. Все налоги делятся на косвенные: т. е. взимаемые с продаваемых товаров

или услуг, и прямые, взимаемые с людей или с организаций и предприятий. Важно понять, что в цену национального продукта (цены товаров и услуг) войдут все налоги, все чистые зарплату и все чистые прибыли. Косвенные налоги будут взяты государством себе сразу из цен на товары и услуги. Прямые налоги тоже будут взяты из цен, но сначала попадут вместе с чистыми зарплатой, прибылью, процентами на вклады в карманы людей, организаций, предприятий. Только после этого ПЕРЕКЛАДЫВАНИЯ эта часть налогов будет забрана государством себе, переименовав название на подоходный налог, налог на прибыль, налог на корпорации и т. д. Если бы государство отказалось от ПЕРЕКЛАДЫВАНИЯ и забирало бы весь налог, как косвенный, сразу из цен на товары и услуги БЕЗ ПЕРЕКЛАДЫВАНИЯ, сбор налогов чрезвычайно бы упростился и удешевился. Остался бы один, универсальный "косвенный" налог, в который вошли все прежние "косвенные" и "прямые" налоги. Конечно, от этого не изменились бы ни цены, ни чистые зарплату, прибыль, проценты на вклад. Кроме исчезновения забот и расходов на учет и уплату "прямых" налогов, возникнет огромный психологический эффект: освободившись от давления прямых налогов, люди получат огромный стимул к труду. Государство, ранее объективно заинтересованное в выжимании налогов из людей и тем самым в улучшении их деятельности, получит объективный интерес в развитии производства товаров и услуг (и, следовательно, в развитии деятельности людей). Экономика воспрянет. Безработица уменьшится.

Что касается регулирования экономики, то в этом "прямые" налоги ничего, кроме вреда, не создают. Налог всегда душит экономику (трудящихся и предпринимателей), и "регулирование" заключается лишь в уменьшении или увеличении степени удешевления. Едва ли это можно назвать регулированием. А так называемое "перераспределение" налогами является чисто социалистическим мифом капитализма. То, что никакого перераспределения доходов от "богатых" к "бедным" не происходит, можно легко установить, зная цифры взимания прогрессивного подоходного налога. В 1974 году, например, в Англии налог был чрезвычайно "прогрессивным" и изменялся в зависимости от дохода от нуля до 80%. Число "богатых", имеющих доход в 20000 ф.ст. или выше в год, было 33000 человек, а "бедных" с меньшим доходом было 28 миллионов 241 тысяча, т. е. один "богатый" приходился, примерно, на 1000 "бедных". "Богатые" заплатили, в среднем, налог в 66% от их общего дохода в 1060 миллионов ф.ст., т. е. сумму в 700

миллионов ф.ст. "Бедные" заплатили, в среднем, налог в 18,4% от их общего дохода в 65625 миллионов ф.ст., т.е. 12095 миллионов ф.ст. Полные доходы "богатых", до вычета налогов, составили всего 1,6% от доходов "бедных". Таким образом, если даже отнять у "богатых" не 66%, а все 100%, доходы "бедных" увеличатся всего на 1,6%. Никто и не заметит этого "перераспределения". Иначе говоря, перераспределение доходов с помощью прогрессивного налога является обманом несведущей публики.

Введение единственного косвенного налога приведет к автоматическому регулированию и величины его. Если государство попытается увеличить свой налоговый доход, не увеличивая производство материальной и духовной продукции и производительность, а поднимая процент налога в цене, оно будет создавать инфляцию, душить производство и тем УМЕНЬШАТЬ свой доход. Придется государству устанавливать оптимальный процент налога, который и не душит, и дает достаточный доход государству. На Западе уже появляются статьи, которые требуют ликвидации прямых налогов. Их недостаток в том, что они не догадываются, что упразднение прямых налогов не потребует введения дополнительных косвенных налогов. Прямые налоги уже содержались в ценах. Все налоги, без исключения, как и зарплаты и прибыли, оплачивает покупатель. Экономистам следует познакомиться с этим делом подробнее.

16. Заключение.

Итак, все проблемы на Востоке и Западе связаны со степенью высвобождения и реализации колоссального потенциала индивидуальных творческих сил населения. Главным препятствием к этому в СССР является, конечно, то, что марксизм, ленинизм и социализм за 72 года так задурили головы

всему населению, что оно потеряло всякую ориентировку и нормальный свой здравый смысл. Нужно опять начать пользоваться именно здоровым смыслом. В то же время наши народы имеют огромное преимущество перед другими: они получили богатейший опыт социализма. Начали понимать, что экономика не действует по приказу разума или, как в сказке, "по щучьему велению и по моему хотению". У экономики есть законы, и эти законы действуют в пользу населения, если оно само управляет экономикой с помощью жесткой конкуренции в частно-собственническом народном хозяйстве.

Также очень важно рассматривать социалистические бедствия не только в их конкретном содержании, но иметь в виду, что сознание человеческих масс и их активность быстро превращаются из детского в зрелое состояние. Начинается новая эпоха. Эпоха новых, истинно более демократических структур управления обществом. Эпоха, которую можно назвать эпохой созревания в наиболее развитых странах масс уникальных человеческих личностей, действующих в соответствующих общественных структурах на основе самоуправления и сотрудничества. Человек и особенно его духовные потребности, а не система управления станет главным. И не в результате какой-то новой утопической идеи, а по тому простому факту, что люди изменились и действительно стали главным. Их так просто, как раньше, не загонишь в новый хомут управления. В ближайшие сто лет это станет очевидным для всех.

При публикации гонорар не требуется. Буду весьма признателен за присылку любых замечаний, критики или просто знака прочтения по адресу: Dr. A. Fedoseyev. Box 373 GPO, London, EC1 PJ, England. Или по телефону: Лондон (01) 630 6892.

В. ЗАРУБИН

ВЕНГРИЯ СЕГОДНЯ

Реформами в Венгрии руководил коммунист Имре Пожгаи при поддержке нынешнего премьер-министра Миклоша Немета и министра иностранных дел Дьюлы Хорна.

Заслуги Пожгаи, несомненно, велики, некоторые в Венгрии считают его человеком, который давно уже не коммунист, а только член партии, но большинство думают, что никак нельзя верить обещаниям тех, кто в течение 45 лет врал, обманывал народ и привел когда-то богатую страну к незавидному положению. Реформаторы считают своей заслугой, что в Венгрии пал железный занавес, дана, воистину, полная свобода печати и

возможность организовать различные союзы и партии, экономика коренным образом преобразована, страна превратилась из народной республики просто в республику Венгрию. И сами коммунисты называли себя социалистами, хотя осталась маленькая группка тупых и неисправимых догматиков, которые все-таки далеки от Лигачева или же "принципов" сталинистки Нины Андреевой.

Пожгаи обещал свободные выборы. Они произошли. В свободных выборах участвовали 54 партии. Из 54 партий после всенародного референдума осталось 14 самых сильных, среди них Венгерский демократический фо-

рум, либеральный Союз свободных демократов, Федерация молодых демократов, Христианско-национальный союз, традиционная Партия мелких хозяев, социал-демократы, монархисты вокруг претендента на престол Отто Габсбургского и др.

Перед выборами было наконец-то достигнуто соглашение о выводе советских войск из Венгрии, который завершится к середине 1991 г.

Венгерские эмигранты — участники революции 1956 г. после стольких лет вернулись на свою родину, например, генерал Бела Кирай, главнокомандующий Национальной гвардией, или Гергей Понграц, легендарный комендант революционной группы "Корвин Кёз", которая вела самые ожесточенные бои против советской армии. Оба, кстати, выпустили книги воспоминаний, которые можно везде купить. Кроме того, в Будапеште во многих местах расставлены маленькие столики, где молодые люди торгуют книгами, спрос большой. Можно позавидовать, так как беспрепятственно продается эмигрантская литература. Революционная газета "Немзетёр" у публики нарасхват. Газета выходит в Мюнхене.

Покупают и социалистическую газету, бывшую коммунистическую, "Непсабашаг". Многие печатные органы на заглавном листе имеют венгерскую королевскую корону с покосившимся крестом. История короны такова: во время нашествия турков корона святого Стефана (1000—1038 гг.), крестителя Венгрии, была спрятана в колодце, там и искривился крест.

После Второй мировой войны корона попала в Соединенные Штаты и недавно возвращена венграм. Существует венгерский герб без короны, но герб с короной преобладает, хотя бы как значок, который многие венгры с гордостью носят на отворотах пиджака. Венгерский флаг теперь развевается без красной пятиконечной звезды и без коммунистического герба Ракоши. Еще будет всенародный референдум, на котором решится, каким быть венгерскому гербу: с короной или без.

Повешенные премьер-министр Имре Надь, революционный министр обороны Пал Малитер и другие давно реабилитированы, и их останки похоронены на Площади героев, где они охраняются почетным армейским караулом.

Посетил и я Венгрию, хотелось посмотреть на предвыборную кампанию, ведь я в первые часы восстания 1956 г. взял оружие в руки и был венгерским национальным гвардейцем. До мая 1990 г. западным гражданам еще требовалась въездная виза, с мая месяца визы отменены. На границе пограничники и таможенники были весьма любезны, совсем

не было того неприятного ощущения, которое имеет каждый, въезжавший в тоталитарную страну.

Как известно, в Венгрии в 1848—49 гг. произошла революция против Австрии. 15 марта 1848 г. венгры во главе с поэтом Шандором Петёфи и Палом Вашвари подняли восстание. С тех пор и этот день — национальный праздник.

В этом году этот день отмечался уже в свободной Венгрии и прошел под знаменем предвыборной кампании. Заборы, стены подземных переходов были заклеены воззваниями, декларациями партий.

Все забыли об Яноше Кадаре, которого все же нельзя сравнить с Чаушеску или с Хонеккером. Но ему венгры не простили, что он предал революцию 1956 г. и самого Имре Надя, хотя он кое-что и сделал для страны: он избавил страну от большего террора, заявил, что мол, "тот с нами, кто не против нас", таким образом он легализовал оппозицию и иномышление. Во время правления Кадара был достигнут недостижимый для других социалистических стран уровень жизни и сравнительная свобода. Недаром генерал Бела Кирай сказал в свое время в США, что Венгрия "самый веселый барак в социалистическом лагере!"

Кадар вовремя ушел в отставку и дал дорогу конструктивным и реформаторским силам в партии. Потом он тихо умер, но проститься с ним пришли как никак четверть миллиона венгров, цифра большая для маленькой Венгрии. Коммунистической партии больше нет. Венгерская рабочая социалистическая партия раскололась на съезде в 1989 г. на Венгерскую социалистическую партию под руководством реформатора Пожгаи (85%) и на консерваторов, получивших меньшинство. Партия, имевшая когда-то 650 тысяч, а до революции даже миллион членов, растаяла. Сегодня у обеих партий вместе 80 тысяч членов. Почему у них есть все же столько сторонников? За десятилетия были созданы кадры, которым диктатура нравилась. Сюда входят венгерские чекисты АВО, хотя это зловещее ведомство упразднено, члены рабочей гвардии, которые подавляли революцию, не рабстали, а только получали немалую зарплату. Все эти люди имели огромные привилегии: могли идти с 48 лет на пенсию, и она была в пять раз больше, чем пенсия нормального смертного, получали хорошие и дешевые квартиры вне очереди, имели в своем распоряжении автомобильный парк, ездили отдыхать на озеро Балатон даром в самые лучшие отели и дома отдыха, в их распоряжении были тайные распределители, и, хотя в Венгрии всегда все было в продаже, они получали лучшее за бесценно. Представители номенклатуры могли даже

через тайный телефонный код говорить даром с любым местом в мире часами и т. д.

Прогуливаясь по Будапешту, я прошел мимо семиэтажного дома ЦК, где до революции было министерство внутренних дел — АВО, увидел скрытое большое здание высшей партийной школы имени Джорджа Лукача. Туда еще входят и выходят люди с озабоченными лицами: из-за новой политической обстановки они потеряют свои тепленькие местечки, а это их больше всего беспокоит.

Поскольку я был одет по-западному, меня нередко останавливали молодые люди и по-немецки или по-английски спрашивали твердую валюту. Дело в том, что западно-немецкая марка в банках официально меняется на 38 форинтов, фарцовщики же на улице предлагают по 55 форинтов.

Цены в Венгрии стремительно растут, государственный контроль над ценами снят, вдвое подорожал транспорт, и, что заметно, к сожалению, качество товаров ухудшилось.

Но самая большая забота для венгров — это жилищная проблема. Государство все эти годы строило очень мало жилых домов для населения, старые здания в ужаснейшем состоянии, кажется, что фасады некоторых домов не ремонтировались со времен Австро-Венгрии. Большинство домов без ванн, уборные находятся нередко во дворе. Есть масса коммунальных квартир, в которых проживает по несколько семей. Квартирные платы стремительно повышаются, нередко пожирая половину семейного бюджета. Но квартиры можно и купить, их немало, немало и венгров, живущих в достатке.

Но тем не менее, венгры не отчаиваются! Все понимают, что происходят перемены, которые могут привести к лучшему! Самое главное: народ получил Свободу! И нужно непременно подчеркнуть: венгры живут намного лучше населения Совдепии! В городе масса автомобилей, конечно, это преимущественно “Жигули”, “Лады”, “Трабанты”, “Шкоды”, румынские “Дачи”, но и немало западных машин. Хочу рассказать несколько пережитых мною эпизодов. Вхожу я один раз в симпатичное кафе, днем, все замечают, что я — человек западный. Один из присутствующих спрашивает: “Вы участник венгерской революции 1956 г.?” Подтверждаю! И вдруг все двадцать человек встают и начинают бурно хлопать в ладоши. Сразу же было заказано шампанское, пришлось к ним присесть и с бокалом в руках рассказать о тех героических событиях.

Интерес к революции 1956 г. велик! Всюду продаются книги об этих судьбоносных днях, они нарасхват. Все считают, что благодаря восстанию сегодня Венгрия стала свободной, демократической страной с многопартийной системой. У входа в университет, где я

когда-то учился, установлена мемориальная доска погибшим в революции студентам. В других памятных местах всегда возложены свежие цветы!

Но был у меня и эпизод, который мог бы для меня закончиться нехорошо. Из ностальгии я один раз вошел в тот кабачок, в котором мы, студенты, когда-то за стаканом вина дискутировали. Между тем, студенческое питейное заведение превратилось в забегаловку-кабак. В нем оказалась дюжина бездомных. Я сел и заказал себе стаканчик вина, потом повел разговор с присутствующими. Они жаловались на свою судьбу. Оказывается, в Венгрии много бездомных, большинство из них — молодые люди. Не имея работы, они не могут найти себе жилья, спят в подвалах, на стройках, на железнодорожных станциях... Кухонь для них пока не существует, и они плохо питаются. Выглядят они ужасно, худые, поэтому смертность среди них, особенно зимой, велика! Я их угостил вином, они были весьма благодарны и даже собрали между собой копейки, чтобы угостить тоже хорошо одетого господина с Запада. Потом, после обеда, появились рабочие, которые, перед тем как пойти домой, выпивают стаканчик вина. Венгрия — страна винодельная, пиво имеется, но оно дороже, и простой люд предпочитает традиционное, совсем даже не плохое вино. Заговорили о том, о сем, но главной темой были наступающие выборы.

Как везде в мире, в кабаках говорят громко! Все были за перемены и все, даже исчезнувшие потом бездомники, — за демократию, за свободу, за коренные экономические перемены...

Ведя дискуссию, я громко сказал: “Преступники и сволочи — коммунисты!” За соседним столом сидели двое седоволосых, но еще не старых, крепких человека. Они мне задали тот же вопрос, который мне приходилось так часто слышать: “Ты участник венгерского восстания 1956 г.?” Я, как всегда, подтвердил! На это они с угрозой мне сказали: “Будь потише, не ругай коммунистов”. Пошло слово за словом, все мы подвыпили. Потом один из них сказал мне: “Твое счастье, что мы не встретились в 1956 г., а то я тебя саморучно пристрелил бы!” Это уже было слишком для меня. Я спросил, кто они, не были ли членами АВО? Они подтвердили, да, они служили в АВО и остались верными коммунистами! И вызвали меня на улицу выяснить наши разногласия. Деваться было некуда, пришлось выйти, а то я бы “потерял лицо”. Они меня уже ждали, став спиной к стенке. За ними последовали и многие другие. Я человек пожилой, считаю себя солидным, смешно же драться в чужой стране с незнакомыми бывшими чекистами!

Мгновенно отрезвев, я лихорадочно думал,

как выйти из неприятного положения. Они оказались крепкими дядьками, владеющими самбо (самозащитой без оружия), и я понял, что они меня крепко избьют. Что делать? Приехал в свободную Венгрию, где установлена многопартийная система и свобода, за которую я боролся 33 года тому назад с оружием в руках, и сейчас дать себя побить чекистам-коммунистам? Я медлил и лихорадочно думал, что делать, и, наконец, заявил им, что против двух драться не намерен. Против одного — да! Но в этот момент, откуда ни возьмись, бегом прибежало человек тридцать молодых ребят, которые окружили испугавшихся бывших чекистов и заявили, что они не дадут в обиду туриста из Федеративной Германии, который еще до их рождения боролся против проклятых коммунистов. Пришлось снова вступить в дело и попросить ребят, чтобы они не трогали крепких и нахальных стариков, которые, поджав хвосты, быстро смылись!

Этот эпизод я описываю только для того, чтобы пояснить, как сегодня венгерская молодежь относится к историческим переменам!

Недаром на политической сцене появилась политическая сила — Союз молодых демократов. Их программа почти что не отличается от программы свободных демократов.

Везде в городе висят плакаты: “Долой коммунистов!” Всюду митинги, каждая из партий извещает о своих планах, всюду разные люди раздают листовки! Тут и там в городе видны советские офицеры. Странно смотреть на алые звезды на фуражках, в Венгрии коммунистических звезд больше нигде нет, сняли последнюю с пика парламента. Но венгры к русским относятся дружелюбно, никакой ненависти к русским не заметно, хотя если речь заходит о советской армии, то все категорически требуют ее вывода из пределов страны!

На большой улице Ракоци, у входа в банк, по-русски отпечатанное объявление: “Рубли для обмена на форинты не подлежат!”

Но есть и теневые стороны перемен. В ходе свободы печати почти везде появились низкопробные порнографические издания, которые имеют немалый спрос. Возросла и преступность — и о ней стали даже открыто писать.

25 марта 1990 г. произошли выборы. Накануне лидирующие партии заявили, что отказываются от союза с коммунистами, называющими себя теперь социалистами. Как и можно было ожидать, на первом месте оказался Венгерский демократический форум, руководимый Йожефом Анталом, историком и бывшим диссидентом, он получил 24,71%, на втором месте элитарный союз интеллигенции — Свободный демократический союз,

набравший 21,38%. На третьем месте — Независимая партия мелких собственников — 11,76%. Для некоторых оказалось неожиданностью, что коммунисты, ныне социалисты, оказались на четвертом месте, получив в стране 10,89%, а в самом Будапеште даже больше — 13%. Молодежный демократический союз получил тоже большой процент голосов — 8,94%. Христианские демократы — 6,46%. Потом следуют коммунисты-ортодоксы, набравшие все-таки 3,68%. Самое большое поражение потерпела традиционная венгерская партия — Венгерская социал-демократическая партия под руководством Анны Петрашович, она набрала 3,55%. Это было большой неожиданностью! Демократический форум — это партия центра по западным понятиям, хотя она несправедливо именуется консервативной. Партия мелких собственников — это провинциальная политическая сила, защищающая, в первую очередь, крестьян. После подведения итогов выборов, первых свободных после стольких лет, выяснилось, что необходимо провести второй тур выборов, где будут представлены только кандидаты трех ведущих партий. Второй тур выборов состоялся 8 апреля с.г. и закрепил ведущее положение Венгерского демократического форума, получившего более 40% голосов и 165 мест из 386. Либералы из Союза свободных демократов получили 92 места в будущем свободном парламенте. Партия мелких собственников посылает в парламент 43 депутата. В парламенте будут и коммунисты (ныне социалисты) — всего 33. Молодые либералы и христианские демократы получили по 21 месту. Они прошли по первому туру!

Само собой разумеется, что лидер Форума Йожеф Антал будет премьер-министром в коалиции с Партией мелких собственников и христианских демократов. Остальные партии и группы никакого решительного влияния в стране не будут иметь.

Во время венгерских выборов в Будапеште находились многие западные политики, в первую очередь, нужно выделить несколько американских финансовых экспертов, на которых возложены самые большие надежды. Коммунисты оставили незавидное наследие. Переходный период из тоталитарной системы в свободную демократическую типа западноевропейских стран весьма тяжел.

Главная проблема Антала — это зависимость венгерской экономики от Советского Союза. Она все еще имеется. Венгрия производила продукцию не особенно высокого качества, которую на международном рынке продать нельзя. Но эту продукцию покупал Советский Союз, платя за нее иногда плохими неконвертируемыми рублиями, или же не платил ничего. Венгры потребовали, чтобы им платили долларами. Тогда советские

отказались вообще покупать венгерскую продукцию, но зато потребовали за нефть и газ доллары. Таким образом, тысячи и тысячи венгров потеряли работу, а система помощи безработным еще недостаточно разработана.

С Восточной Германией больших торговых отношений не будет, так как она объединяется с Федеративной Германией. С Румынией отношения натянутые, потому что румыны учинили погром над венгерским населением, проживающим в Трансильвании. Взоры обращены на Запад, от которого ожидается большая поддержка и помощь. Проблемы переходного времени объясняют то, что коммунисты-социалисты все же получили голоса.

В. РУДИНСКИЙ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ КНИГИ О ПУШКИНЕ И О ПУШКИНСКОЙ ЭПОХЕ

Шикарно изданная большим форматом с красивыми иллюстрациями книга Генриха Волкова "Мир Пушкина" (Москва, 1989) открывается правдивыми словами: "Никогда еще наша страна не переживала такого всенародного и горячего увлечения Пушкиным, такого взрыва читательской, да и писательской любви к нему. Любви не книжной, а теплой, живой, идущей из самой глубины народной. Даже на Западе это заметили..."

Что верно, то верно. И изобилие книг о нашем великом поэте, появляющихся в СССР, сие явственно подтверждает. Вольно глупому "Октябрю" перепечатывать и восхвалять мерзости Синявского, потерпевшего со своей антипушкинской кампанией громкое фиаско в русском Зарубежии. Ну что ж, полагаем, такого же провала он удостоится и у нас на родине... Пожелаем ему от души быть заслуженно освистанным там, как мы его освистали здесь.

Однако книга Волкова, хотя и написанная живым слогом, местами (особенно в начале) напоминающим манеру Тынянова, быстро разочаровывает.

Автор скатывается в деревянный язык и в мертвые шаблоны вульгарного социологизма, и работа его представляет собою пушкинистику вчерашнего дня, ту, которую убедительно разгромили уже пушкиноведы новой формации, как В. Непомнящий и О. Чайковская.

Значительно интереснее сборник "Пушкинист" (опять же, Москва, 1989). Статьи в нем — разных авторов и разного качества; есть короткие и мало содержательные; есть даже и отдающие все той же самой социологической мертвечиной; но есть целый ряд и

первосортных, иногда замечательных. Но венгры не отчаиваются, они понимают, что будет лучше, а это несомненно, но придется несколько лет ждать и засучив рукава взяться серьезно за работу!

Самое главное — наступило то, за что венгерский народ боролся в 1956 г. Свобода, страна без коммунистов, без советских оккупантов!

Венгерская революция 1848-49 гг. была подавлена, страна только в 1867 г. была преобразована в двуединую монархию — Австро-Венгрию. После подавления революции 1956 г. венграм пришлось ждать целых 33 года, пока мы все не стали свидетелями рождения свободной Венгрии!

Апрель 1990 г.

первосортных, иногда замечательных.

С. Абрамович ("Пушкин. Труды и дни") обстоятельно прослеживает, день за днем, жизнь поэта в 1836-ом году.

Ю. Лоциц ("Из предыстории 'Песен западных славян'") подробно разбирает культурные связи России с Сербией в первой половине XIX в. и соприкосновения Пушкина с южными славянами во время ссылки в Кишиневе и в Одессе, справедливо рассматривая стихотворение "Дочери Карагеоргия" как представляющее собою нечто вроде введения ко грядущим "Песням".

Р. Гальцева и И. Роднянская ("В подлунном мире") дают очень неплохой обзор пушкиноведческих работ иностранцев и исследуют степень понимания его творчества в Западной Европе и в Америке.

Недурен (хотя и не вовсе свободен от советской тенденциозности) очерк Н. Скатова о Лицее ("Прекрасен наш союз").

Б. Тарасов ("Эхо русского народа") пытается разобраться в различных влияниях, испытанных Пушкиным со стороны прочитанных книг и контактов с его современниками; тема неисчерпаемая!

Украшением сборника являются статьи упомянутых уже нами В. Непомнящего и О. Чайковской. Эти двое — из тех, которые вносят в подсоветскую пушкинистику новое дыхание, за которыми стоит будущее; они образуют подлинный авангард в деле исследования и понимания лучшего поэта России.

Из их статей, "Пророк" и "Гринев", выпишем несколько отрывков:

"Для общества, захваченного идеей революционной ломки и революционного переустройства", — комментирует Непомнящий, — он, понятый как прежде всего певец декаб-

ризма, то есть как поэт в первую очередь политический, сразу становится "своим", "близким и понятным". Но эта понятность, это понимание были слишком узкими по качеству: тут не было кратности... Результаты были печальные, — прежде всего, для самой же науки. Возникло множество заблуждений, неясностей и белых пятен, — но не таких, которые возникают в естественном ходе познания, а таких, которые получаются, когда длину окружности пытаются измерить линейкой".

А вот что говорит Чайковская, по поводу "Капитанской дочки":

"Литературоведение одно время явно спутало себя с социологией. Но ученый-социолог, исследуя закон поведения той или иной общественной группы, не станет, разумеется, утверждать, будто у каждого, предположим, слесаря слесарное мышление и слесарная душа. А литературоведение не затруднилось применить закон больших чисел ко внутреннему миру человека, установить непосредственную причинную связь между его социальным положением и духовным миром".

Эти суждения под корень разрушают то устарелое пушкиноведение, представителем которого и в наши дни продолжает выступать Г. Волков.

Далеко не со всеми мнениями, высказанными в сборнике, можно согласиться. Например, Г. Красухин ("Наше все") с уничтожающим презрением отзывается о Ленском. Вряд ли это заслуженно, и тем более вряд ли соответствует взгляду самого Пушкина, который, безусловно, вложил в образ молодого поэта частицу своей души, и который о нем говорил, что, быть может его ждали слава и величие, не погибни он такую раннюю и трагическую смертью.

Как курьез выделим перепечатанную в "Пушкинисте" статью **театрального критика** Н. Черняева (1854—1910) "Под впечатлением пушкинских дней 1899 года", содержащую нижеследующий изумительный по невежеству пассаж:

"По глубине и многосторонности своего гения Пушкин представляет в полном смысле слова исключительное явление. Эсхил, Софокл, Эврипид, Аристофан, Мольер были только драматурги; Сервантес, Вальтер Скотт, Диккенс, Теккерей и т. д. были только романисты; Петрарка, Данте, Байрон писали только стихами. Пушкин же равно велик и в лирике, и в эпосе, и в драме".

С последними строками согласимся. Остальное же тут, как говорится, "не только

не соответствует истине, но и прямо ей противоположно". Сервантес писал не только романы, как "Дон Кихот", "Галатея", "Персилес и Сигизмунда", но и рассказы, объединенные под заглавием "Назидательные новеллы", а также и пьесы (во множестве). Часть из сих последних была переведена на русский язык А. Н. Островским, — о чем уж театралу Чернову надлежало бы знать! К числу наиболее известных из них принадлежит "Нуманция".

Данте писал отнюдь не только стихи. Он, помимо прочего, составил латинский трактат "De monarchia", где доказывает, что монархический строй предпочтителен всем другим политическим системам.

Вальтер Скотт начал свою литературную карьеру и завоевал себе прочную славу как поэт; он — автор замечательных "Песен последнего менестреля", откуда Жуковский перевел широко известного "Смальгольмского барона". Вот почему "шотландский чародей" не хотел даже сперва подписывать свои романы (первым из коих был "Веверлей"), из опасения испортить возможной неудачей в прозе свою установившуюся репутацию в качестве стихотворца.

Можно бы добавить, хотя это уже второстепенно, что и Диккенс кроме романов писал рассказы, а Шекспир, кроме театральных пьес, — сонеты.

Как видим, примеры у Черняева подобраны исключительно неудачно. Пушкин же не нуждается в возвышении за счет других выдающихся писателей: он и без того достаточно велик.

На особое место надо поставить работу В. Вацура "С.Д.П." (опять-таки: Москва, 1989). Она не о Пушкине, но имеет подзаголовок "Из литературного быта пушкинской эпохи". Книга посвящена литературному кружку Софьи Димитриевны Пономаревой, в котором в разные периоды принимали участие Гнедич, Измайлов, Баратынский, Кюхельбекер, Дельвиг и ряд других друзей и знакомых Александра Сергеевича, хотя он сам, по случайным обстоятельствам, салон Пономаревой и не посещал.

Что больше всего поражает в данном блестящем исследовании, это — полное отсутствие марксистского подхода, большевистской фразеологии, цитат из "вождей" и "классиков" коммунизма. Трудно поверить, что оно издано в СССР!

Вацура, несомненно, тоже входит в число плеяды новых пушкиноведов, на которых можно возлагать много надежд.

В. МИКЛАШЕВСКИЙ

ПОКАЯНИЕ?

(По поводу грузинского фильма "Покаяние")

I

Фильм "Покаяние" — серьезное художественное произведение, насыщенное образами, раскрывающими истинный смысл событий, которые составляют его содержание. Как в каждом произведении такого рода, часть образов в нем (по разным причинам для каждого зрителя) остается нераскрытой, а заключенный в этих образах смысл оказывается непонятным. Поэтому и сам фильм многим зрителям может казаться странным, а местами и непонятным. Настоящая статья имеет цель раскрыть некоторые образы в фильме и тем самым показать глубокий смысл и важное значение, которое содержит в себе фильм режиссера Т. Е. Абуладзе "Покаяние".

II

На экране тесная комната. Красивая женщина средних лет, явно не крестьянского или пролетарского происхождения, заканчивает украшение торта, который представляет здание храма, увенчанного крестом.

Позади нее, у стены, диван. На нем, разворачивая газету, сидит пожилой человек. Он, видимо, только что вошел. Хотя у него борода Карла Маркса, но фуражкой, френчем, сапогами и малым ростом напоминает Сталина. Это типический образ ПАРТРАБОТНИКА, выражающего даже внешним видом преданность вождю. Он жует обрезки торта, набив ими рот. Вдруг вскрикнув, как бы в испуге, гость отталкивает от себя газету и начинает истерично выкрикивать о невероятном событии: умер Варлам Аравидзе, ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК в городе, личный друг, руководитель, всеобщий благодетель... Женщина, не отрываясь от работы, иронически замечает:

"Разве он твой родственник?"

Не слыша иронии, гость отвечает:

"Больше, чем родственник!.. Ближе не было у меня друга!.. Кончилось мое счастье! Не стало дорогого Варлама!"

На экране страница газеты с портретом Варлама в черном окаймлении.

Как бы в ответ на истерический монолог гостя, всплывает "внутренний монолог" женщины: ее воспоминания о давнем прошлом и роли умершего Варлама в нем. Обостренная этими воспоминаниями боль рождает в воображении женщины возмездие, которое ждет Варлама. Она намерена раскрыть его преступления. Наказание за них обрушится сначала на семью его сына. Потом в отчаянии обезумевший сын проклянет Варлама и выб-

росит труп его на свалку. Эти воспоминания и рожденное ими ВООБРАЖАЕМОЕ ВОЗМЕЗДИЕ и составляют содержание фильма.

III

На экране торжественные похороны Варлама, напоминающие кремлевские для вождей.

В первую ночь после похорон жители дома, в котором живет сын Варлама Авель, были разбужены неистовым лаем цепной собаки. Глядя на двор из окон и с балконов, все увидели приставленный к дереву труп Варлама.

Прибывшие власти отнесли труп обратно на кладбище.

В следующую ночь повторилось то же самое, с той лишь разницей, что труп был посажен на садовую скамью под тем же деревом. Но в этот раз все поняли, что кто-то считает Варлама ужасным преступником, недостойным быть похороненным на кладбище. Поэтому на дверь могильной ограды навесили большой замок. В ночную засаду нарядили вооруженную охрану.

И в третью ночь труп оказался выкопанным, но охрана после беспорядочной стрельбы арестовала женщину...

IV

Зал суда. Вводят арестованную. Это та самая женщина, которая зарабатывает на жизнь изготовлением тортов и проживает на улице, носящей имя Варлама Аравидзе.

На вопрос судьи, признает ли она себя виновной, арестованная говорит, что труп Варлама она действительно выкапывала, но виновной себя не признает. Больше того, свой поступок считает исполнением долга и потому намерена повторять его, пока будет возможность и хватит сил.

Чтобы объяснить суду свое отношение к Варламу, подсудимая рассказывает о событиях примерно конца 1937-го и начала 38-го года. Речь идет о времени искоренения остатков интеллигенции "царского времени" (профессор живописи и другие защитники храма) или более молодых, но близких ей по духу интеллигентов, как родители подсудимой: художник-отец и пианистка-мать. В те годы подсудимой Кетеван Баратели было восемь лет. События тех лет, увиденные девочкой, и показаны на экране.

V

По улице, перед зданием, должно быть, Горкома ВКП(б) "трудящиеся массы", оглушаемые духовым оркестром, демонстрируют преданность партии и назначенному ей новому "первому человеку города" — Варламу. Его предшественник, можно догадаться, исчез неожиданно, но вскоре объявился в списках среди разоблаченных "...предателей народа, шпионов, диверсантов, вредителей, изменников родины, сомкнувшихся с иностранными разведками". Это по трехтомному "Энциклопедическому словарю" (изд. БСЭ, М., 1954, т. 2, с. 126).

С балкона этого же дома ораторы, сменяя друг друга, выражают те же чувства и восхваления. Их надрывные, истеричные выкрики сливаются с шумом внизу... На стене здания, рядом с балконом, висит огромный портрет Варлама. И в стороне, как бы мираж, зритель видит виселицу с петлей и сидящим на ней вороном — ждущее своего часа возмездие...

Девочка вспоминает слышанный рассказ отца о встрече с Варламом членов Комиссии по защите памятников старины. В закрытом властями храме Пресвятой Богородицы, по распоряжению Варлама, начали устанавливать машины. Члены Комиссии пришли просить Варлама отменить это решение, так как оно приведет к разрушению храма, являющегося исключительной ценности памятником национальной культуры. Услышав это, Варлам удивился. Спросил секретаря, действительно ли есть такое распоряжение. Услышав утвердительный ответ, приказал принести его. Взяв из рук секретаря принесенную бумагу, Варлам, глядя поочередно в лица членов Комиссии, медленно разорвал ее на несколько частей, выражая свое полное понимание и согласие с мнением Комиссии...

VI

Неожиданно в квартиру художника Сандро Барателли шумно врывается Варлам со своим лет девяти сыном, в сопровождении двух ближайших соратников.

Варлам одет, как Муссолини (черная блуза, подпоясанная широким ремнем с португеей), усы у него гитлеровские, прическа сталинская, пенсне, как у Берии (тогдашнего главы НКВД). И хотя облик этот неопределенный (так как олицетворяет диктатуру неназванной партии), события в фильме определенно указывают, что все происходит в СССР и в известное время — в 1937-м или начале 38-го года.

Варлам ходит по квартире, бесцеремонно рассматривает на стенах картины художника и расхваливает их в превосходных степенях. Слыша эти похвалы, начинают косым взглядом присматриваться к картинам и его

спутники.

После этого визита следуют события, приносящие несчастья в семьи членов Комиссии.

Глубокой ночью в квартиру художника входят рыцари, облаченные в средневековые доспехи. Это "рыцари Дзержинского", как любили называть себя чекисты, а потом и энкаведисты. У каждого рыцаря в руке пика, лица закрыты забралом. Они обшаривают квартиру, уводят художника и уносят несколько картин.

Та же судьба постигает и профессора живописи. Узнав об аресте своего ученика, он возмутился и никак не соглашался признать его "врагом народа". Проницательный Варлам понял, что профессор сам скрытый "враг народа" и без особого труда разоблачил его.

Насколько действительно был бдительным и прозорливым Варлам, свидетельствовали маячившие повсюду фигуры рыцарей с пиками и грохот карет по ночам — массовые аресты...

Жена художника безуспешно пытается узнать о судьбе мужа. Она и дочь стоят в длинной очереди к окошку в отделении НКВД. Все в очереди — "Члены Семей Репрессированных" (ЧСР'ы).

Пути железнодорожной станции. Женщины и дети (среди них и жена художника с дочерью) разбирают на торцах бревен надписи, сделанные заключенными, валившими лес и грузившими бревна на платформы.

Жена художника, предупрежденная о грозящем ей аресте, пытается ночью незаметно покинуть квартиру, но сталкивается на пороге с рыцарями. Черная карета увозит ее с дочерью. В одном из подъездов к большому дому карета останавливается, и рыцари вытаскивают из кареты кричащую и отбивающуюся от них девочку и утаскивают в подворотню. (Детей ЧСР'ов в подобных случаях сдавали в специальные дома, часто меняя их фамилии). Карета, громыхая по бульжной мостовой, увозит мать...

VII

Сильным взрывом глубокой ночью был взорван храм. Это официальное "хозяйственное мероприятие" (стране нужен кирпич!) было на деле борьбой Варлама с религией, пережитком проклятого прошлого и так далее...

Храм, как известно, выражает не только степень интеллектуального (как инженерное сооружение) и художественного (как произведение архитектуры) развития народа. Будучи зданием для общественного богослужения, он является, в первую очередь, символом абсолютного добра и нравственного совершен-

ства, проповедуемых в нем и исповедуемых верующими. Этот символ и делает храм объектом ненависти Варлама, так как в нем он видит обличителя своих преступных дел. И разрушение храма, и переименование улицы, которая вела к нему, выражают в фильме торжество Варлама, временное торжество зла.

Так было понято и среди молодежи в СССР значение храма в фильме. И об этом подробнее речь будет ниже.

VIII

Варлам и его рыцари — осмотрительные люди. Свои действия они старательно ограждают не только строжайшей тайной, но и придают им видимость обоснованности “социалистической законностью”: они арестовывали “врагов народа” с ведома прокуратуры. Арестованные ими лица либо сами (как профессор) признавали себя виновными, либо виновность устанавливалась свидетельскими показаниями. Одна из сцен в фильме и посвящена установлению виновности художника (не сломленного пытками) свидетельскими показаниями профессора (сломленного пытками).

Зритель видит заросший сад. Слева на экране поставлен на площадке скалы белый рояль. У рояля молодой человек в черном фраке. Рояль — закон. Камень, на котором он поставлен, — “лучшая в мире сталинская конституция”. Человек во фраке — музыкант, и рояль — его инструмент.

В центре, на краю большого камня, стоит белая фигура справедливости (юстиции): с повязкой на глазах и весами в руке, как и полагается ей. Но вместе с тем фигура эта похожа на большую куклу, которой забавляется человек во фраке, изображая себя ее кавалером.

Человек во фраке (прокурор? следователь?) “разыгрывает законность” — это смысл сцены. Он уговаривает художника признать себя “врагом народа”. Истерзанный пытками, арестант молчит. Человек во фраке уходит в глубь сада.

Художник видит спускающегося к нему по тропе профессора. Измученный, с безумными глазами, профессор убеждает художника подписать не только признание в самых чудовищных и невероятных преступлениях, но и оговорить при этом как можно больше людей, чтобы эти идиоты (он имеет в виду Варлама с рыцарями) не могли всех обвинить, чтобы весь их идиотизм стал очевидным для всех.

Художник молчит.

В припадке отчаяния и буйства профессор бросается к роялю, который кажется ему источником бед. Неистово избивая его кула-

ками, он теряет сознание и падает на землю...

Это была очная ставка, установившая виновность художника.

IX

Зал суда. На скамье подсудимых дочь художника: это она выкапывала труп Варлама. В первом ряду, среди публики, она видит сына Варлама с женой и их сыном. Их окружают “лучшие люди” города. Зритель видел их несущими гроб с телом Варлама. Все в этой группе, слушая рассказ подсудимой о “мероприятиях” Варлама, все время обеспокоенно оглядываются по сторонам. Слышны с их стороны выкрики возмущения. Всех громче кричит бородач в сталинской фуражке.

Обвинитель (приятель Авеля, сына Варлама) попытался было объявить подсудимую психически больной. Но защитник предусмотрел эту попытку: он предъявил суду свидетельство психиатра о здоровье подсудимой. Такой оборот дела привел к ее освобождению.

X

Авель с женой очень гордились высоким положением и славой Варлама. (И умели, как показано в фильме, пользоваться этим). Свои чувства к Варламу родители привили сыну.

Пораженный рассказом подсудимой, сын спрашивает отца, правда ли то, что он слышал. На это Авель ответил, что подсудимая передала события в отрыве от времени, когда они происходили, и этим извратила их смысл. И это возмутительно! По словам Авеля, Варлам был преданным и бескорыстным деятелем партии, проводившим в жизнь мероприятия, диктовавшиеся независимыми от воли людей законами развития общества. Ответ этот внук Варлама сам знал из школьных учебников. Но сейчас он понял из него, что подсудимая говорила правду.

Освобождение подсудимой и ее угрозы принудили Авеля построить своеобразный пантеон (мавзолей?). Он представляет собой глубокий цилиндрический котлован с ослепительно белыми стенами. На дне его, в центре, стоит белый гроб. В нем покоится Варлам. Не успокоившись на этом, Авель с помощью “лучших людей” решил оправданную судом дочь художника все-таки заключить в клинику для душевнобольных.

Узнав об этом, сын идет к Кетеван Баратели и предупреждает ее об отцовском намерении.

Замысел отца окончательно поразил сына: он увидел в отце копию деда Варлама. Потрясенный всем раскрывшимся, он обы-

вает отца негодяем. В ответ взбешенный Авель ударяет сына по лицу.

Сын убегает в свою комнату. Прибежавшая следом мать наталкивается на запертую дверь. За дверью раздаётся выстрел...

Смерть сына настолько поразила Авеля, что он в припадке безумия проклинает и себя ("Да будет проклято имя твое, жизнь и дела твои, Авель Аравидзе!.."), и Варлама. Ввалив на плечи отцовский труп, он уносит его за город и сбрасывает с высокого обрыва на свалку.

Внизу, над свалкой, кружатся вороны...

XI

На экране первая сцена. Сидящий на диване гость говорит, откладывая газету на сторону: "Мы с Варламом ровесники, в этом году ему было бы шестьдесят". Слова эти возвращают Кетеван из забвения. Она видит за открытым окном нищенски одетую старую женщину (возможно, возвратившуюся на родину из лагеря или ссылки). Подойдя к окну, женщина спрашивает, ведет ли эта улица к храму. Услышав, что улица теперь носит имя Варлама Аравидзе и к храму не ведет, старуха говорит: "Тогда зачем она нужна?!"

Зритель видит перспективу пустынной улицы города и посредине мостовой удаляющуюся одинокую фигуру старой женщины.

На этом кончается фильм.

XII

В фильме показаны наиболее известные виды преступлений варламов: массовые аресты по произволу, истязания и надругательства при допросах, осуждение невиновных... Оправдывая этого рода преступления, как упоминалось выше, Авель попытался представить их сыну как не бывшие, покрывая их делами "больших масштабов", неизбежно требовавших жертв. В подобных случаях варламы и авели любят вспоминать поговорку о щепках при рубке леса или более картинное представление обоснования двух относительных "правд": "правды" тех, которые КРУТЯТ мясорубку, и тех, которых ПРОКРУЧИВАЮТ. Авель защищал Варлама перед сыном с точки зрения лесорубов и крутящих мясорубку варламов.

Напомню несколько дел "больших масштабов", которые имел в виду Авель:

1. ПРОВЕДЕНИЕ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ.

Еще недавно такие произведения, как "Котлован" А. Платонова (Новый мир, 1987, № 6) или Вас. Белова "Кануны" (Новый мир, 1987, № 7) о разорении деревни коллективизацией казались невыносимыми в Советском

Союзе. Но для авелей коллективизация по сей день остается достижением, созданием базы для индустриализации страны. При этом массовое истребление лучшей части крестьянства и бедственные последствия коллективизации часто не упоминаются вообще, а если и упоминаются, то тут же и оправдываются или словами Максима Горького ("Если враг не сдастся, его уничтожают"), или "щепками" с "мясорубкой"...

2. ЗАВЕРШЕНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ.

Официально коллективизация сельского хозяйства позволила завершить индустриализацию страны. Сама же созданная в те годы индустрия оказалась будто бы настолько мощной и совершенной, что вывела страну в ряды передовых стран. То, что страна в действительности с годами отставала в техническом и экономическом отношении все больше и больше от передовых стран, варламы и авели объявляли клеветой на СССР.

3. СОЗДАНИЕ ЛУЧШЕЙ В МИРЕ АРМИИ.

Утверждение о созданной будто бы такой армии целиком покоится на существовании тяжелой промышленности, способной оснастить армию лучшей в мире техникой. Общеизвестное отсутствие такой техники засвидетельствовано неподготовленностью армии к войне, определившей ход военных действий с первых же дней войны. Кроме того, действительное существование лучшей в мире армии сделало бы вступление Германии в войну с СССР просто невыносимым...

4. БОРЬБА С "ВРАГАМИ НАРОДА".

По словам Варлама, каждый четвертый из трех жителей города был "врагом народа". Варламы, оказывается, спасали и спасли советскую власть от гибели. И вместе с этим они создали возможность завершить индустриализацию страны. Это было достигнуто созданием по всей стране Исправительно-Трудовых Лагерьей НКВД, известных теперь под именем Архипелага ГУЛага, по одноименному произведению А. И. Солженицына.

В статье "Какая улица ведет к храму?" Игорь Клямкин, назвав заключенных в лагерях "особой разновидностью рабочей силы", так пишет о значении этой "рабочей силы" в завершении индустриализации:

"Индустриализацию можно было решить, имея в распоряжении ОСОБУЮ РАЗНОВИДНОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ – многочисленную и почти БЕСПЛАТНУЮ, легко перебрасываемую в любые районы страны, в любую ГОРЯЧУЮ ТОЧКУ" (Новый мир, 1987, № 11, с. 185. Кур.мой – В.М.).

Вспоминая этот "давний опыт" создания многочисленной "рабочей силы" органами НКВД и, по мнению Клямкина, благоразумного использования ее, он сокрушенно вздыхает:

"Сегодня ничем из того давнего опыта

воспользоваться нельзя. Ничем!" (Там же, с. 185).

Оставив на совести Клямкина весь этот "опыт", замечу, что общеизвестное истребление миллионов заключенных в лагерях ГУЛага НКВД представлено Клямкиным в вымышленном варламами виде.

XIII

Л. Айзерман в статье "Тревожиться и думать" (Новый мир, 1987, № 10) рассказывает о проведенном им обсуждении фильма "Покаяние" с учениками старших классов средней школы. Почти все ученики, по их словам, были потрясены (ошеломлены) "силой и глубиной этого произведения".

"Старшеклассники, — пишет Айзерман, — хорошо понимают: Храм здесь — символ правды, чистоты, истины, справедливости". Храм этот, по страстному убеждению большей части учеников, варламы уничтожить были не в силах. И если сегодня улица Варлама Аравидзе не ведет к Храму, "то это вовсе не значит, что нет дороги к нему. Есть, но это другая дорога..."

Появление фильма на экранах Советского Союза было признано учениками свидетельством того, что в стране "идет очищение от наследия Варлама и Авеля". Многолетнее умалчивание преступлений варламов названо было "преступлением перед памятью погибших". И дальше: "Фильм трагичен, но он утверждает свет...", а уже сам "его выход на экран утверждает надежду и веру..."

Из статьи Айзермана нельзя установить, как поняты были учениками другие образы в фильме, но то понимание разрушения Храма и умалчивания преступлений варламов, которое изложено в статье Айзермана, указывает на вполне верное понимание нравственного начала, заложенного в фильме.

XIV

Доклад Хрущева на закрытом заседании 20-го съезда партии в феврале 1956 г. только приоткрыл незначительную часть преступлений варламов, относящихся, к тому же, исключительно к внутрипартийной борьбе за власть. (Эта борьба и вынесла Варлама наверх, ликвидировав, как можно полагать, его предшественника). При этом, как известно, совсем незначительная часть преступлений была расследована и преступники были негласно судимы.

Годы правления Хрущева были в этом отношении неопределенными. Неопределенность эта, правда, таила в себе вероятность большего раскрытия преступлений и привлечения к суду виновных и потому не могла не быть одной из причин устранения Хрущева.

Пока неизвестно, какую роль сыграли варламы в этом устранении, но при Брежнев органы партии и правительства стали усиленно прикрывать молчанием уже открывшиеся преступления и вместе с этим прикрыли и доклад Хрущева, текст которого до сих пор в Советском Союзе напечатан не был.

Введением НОМЕНКЛАТУРЫ, в которую и были включены варламы, Брежнев гарантировал им неподсудность, сохранение должностного положения и специальных пенсий. Варламы почувствовали облегчение, но все равно страх скамьи подсудимого никогда уже после доклада Хрущева не покидал их.

Очень показательным следует считать то, что до сих пор среди варламов не было ни одного случая публичного признания СВОИХ преступлений и раскаяния в них. Явление это заключает в себе более страшный смысл, чем может показаться на первый взгляд, так как оно указывает на такой низкий нравственный уровень варламов (а их в стране не одна тысяча!), при котором стыд и совесть оказываются бессильными вызвать раскаяние. Вместо него из среды варламов и их сторонников уже несколько лет слышна настойчивая проповедь ВСЕОБЩЕЙ ВИНОВНОСТИ, за которой нетрудно увидеть знаменитое ЗАЧЕМ ВОРОШИТЬ БЫЛОЕ, где бывшее предполагается ПОРОСИМ БЫЛЬЕМ.

В статье Владимира Зелинского ("Покаяние" на улице Варлама) читаем: "Да, было время Варлама (кровь, грязь, оды) и БЫЛЬЕМ ПОРОСПО". (Вестник РХД, № 152, I-1988, с. 278. Кур.мой. — В.М.). Но дело в том, что преступления варламов не поросли быльем. Не поросли они в фильме "Покаяние" не только для Кетеван, но и для внука Варлама. Не поросли, например, и для членов семьи о. Павла Флоренского (См.: О. Павел Флоренский. Письма из тюрьмы и лагерей. Вестник РХД, № 152), и для очень многих семей в подобном положении. Не поросли они, как мы видели, и для учеников старших классов средней школы. Больше того, не поросли они быльем и для варламов с авелями (вопреки их желанию!), чему свидетельством идущая от них, названная выше, всеобщая виновность, о которой следует сказать подробнее.

Эта всеобщая виновность делает варламов неподсудными и определенные уголовные преступления обращает в неопределенный ОБЩИЙ ГРЕХ. Этот грех и положен в основу все чаще раздающегося требовательного призыва ко всенародному (или иногда — всехристианскому) покаянию. Вот пример такого призыва:

"Кто, как не мы, христиане, вспомнит — без ненависти, но правдиво и скорбно — о СОВЕРШЕННЫХ ЗЛОДЕЯНИЯХ, вспомнит и покается? Можно ли жить дальше, растить

детей, не свершив ВСЕНАРОДНОГО ПОКАЯНИЯ молитвою, поступком, жизнью” (Борис Павлов. Поминование и покаяние. Вестник РХД, №152, с. 123. Кур. мой. — В. М.).

Здесь покаяние, к которому призывает Павлов, не имеет в себе смысла, как покаяние, но заключает (возможно, и невольно) злую насмешку над памятью жертв и издевательство над членами их семейств, которых призывают признать преступления варламов СВОИМИ преступлениями. Проще говоря, это все та же всеобщая виновность, исключая расследование и привлечение к суду виновных, софистически устранившая наказание преступника и подменяющая наказание ЛОЖНЫМ покаянием. Оно ложное потому, что в этом случае не является таинством церкви. К тому же упования варламов на такое покаяние следует считать недоразумением, так как покаяние не освобождает уголовного преступника от вины и наказания по существующему в стране закону. Преступления же варламов, что и им самим известно, — бесспорно уголовные.

В. Зелинский в названной статье верно отмечает, что в фильме “Покаяние” нет “религиозной ясности” (с. 283). Но в фильме она не рождает других недостатков. В статье же Зелинского такая же неясность привела к утверждению, будто Варлам “живет в нас и превращает нас в стадо Авелей, умеющих лишь менять одного Варлама на другого” (с. 283).

Здесь ненавистное и вызывающее презрение в Зелинском “стадо Авелей” тождественно народу. Оставив в стороне это странное отождествление, отмечу, что перед нами вариант обоснования той всеобщей виновности в преступлениях варламов, о которых шла речь выше.

XV

О преступлениях варламов без малого все

знали в стране (только грудные младенцы, по словам Ахматовой, не знали), но до недавнего времени не смели говорить о них открыто (это означало бы клевету на СССР!). Теперь о некоторых из них слышны громкие голоса. Среди них и громкий голос грузинского фильма “Покаяние” режиссера Т. Е. Абуладзе. Все эти голоса дают основание надеяться, что вскоре и имена преступников (варламов) станут известны широкой публике. Иначе — без расследования этих преступлений и осуждения варламов судом — реабилитация жертв (с отменой приговоров “за неимением состава преступления”) будет оскорбительной отпиской родственникам погибших и только видимостью существования правосудия (и гласности!), так как имена осудивших, обвинение, приговор, место заключения, дата смерти и причина ее — все это так и останется секретом варламов и авелей...

В фильме “Покаяние” показаны преступления, но никто не сознает их СВОИМИ преступлениями. Потому никто в них НЕ КАЕТСЯ, то есть никого не мучит СОВЕСТЬ и никто НЕ КОРИТ СЕБЯ ими. В фильме нет РАСКАЯНИЯ вообще и нет преступников, верующих в Бога, которые могли бы прийти к ПОКАЯНИЮ. Короче, в фильме нет покаяния.

Нет в фильме и гласности. Потому Кетеван Баратели вынуждена покорно выслушивать неумеренные восхваления Варлама ее гостем. Потому же и улица, которая вела к разрушенному Варламом Аравидзе храму, все еще носит его имя.

Но сам фильм говорит о покаянии, которого нет, и определенно свидетельствует об укрепляющейся в стране гласности.

Январь-июнь 1988

От редакции: эта статья была написана два года тому назад, но не утратила актуальности: и по сей день многое обстоит так, как написано в статье.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ГОВОРИТ ИРКУТСК!

В шумную неразбериху перестроечных высказываний вплетается спокойный и авторитетный голос из далекого Иркутска, говорящий то, что давно пора было сказать. Мы имеем в виду газету Иркутской писательской организации — “Литературный Иркутск”, мартовский номер (1990) которой целиком был посвящен Русскому Зарубежью. Так и сказано — Русскому Зарубежью. Мы предпочли бы, чтобы номер был бы посвящен **Российскому** Зарубежью, но едва ли стоит в данное время заниматься подобного рода уточнениями, влекущими за собой довольно острые дискуссии

на тему о российской эмиграции. А тема эта не только интересна, но и бесконечна. Варианты дискуссионных высказываний неисчислимы и по цепной реакции могут, естественно, вызвать дополнительные дискуссии на смежные и иногда кардинальные темы.

И совершенно прав писатель Валентин Распутин в своей интересной и духовно нам близкой передовой, говорящий о том, что “теперь у нас есть возможность встречаться — и на русских пристанях Зарубежья, и на земле наших общих предков, стоящей сегодня перед выбором, чем ей быть, какую судьбу

избрать". Писатель отмечает при этом, что наша любовь к родине, к нашей стране, наше общее прошлое должны привести нас к пониманию во имя общего будущего. Без наших объединенных усилий и действий России не подняться. Особенно, добавим мы тогда, когда буквально из каждой подворотни раздаются русофобские вопли, российский патриотизм называется при этом "имперским мышлением", а саму Россию предлагают при этом свести к границам московского княжества едва ли не периода удельного дробления Руси; что же касается российского национального самосознания, то последнее называется "фашизмом". Любящие Россию открещиваться от этого "фашизма" не будут.

Нас удивило тонкое понимание национального единства и противоречий, существующих между коренным населением России и эмиграцией. Отмечая их, В. Распутин пишет: "Нам не дано представить даже в малой степени, что испытывает эмигрант, вживаясь в чужбину... Только тот, кто побывал в его шкуре, а не мы, посмеет взыскать с него за то, что в чужом окружении полностью отдается он на милость приютившей его страны". Сложно это все, сложнее во много раз, чем это думает понимающий трагичность всей проблемы В. Распутин.

И эта сложность довольно выпукло предстает перед нами в статье Евгения Вагина — "Русь Зарубежная". Много справедливых суждений написал Вагин в своей статье, но знает он эмиграцию далеко не полностью. Хорошо он знает представителей первой волны, альфой и омегой которой является перечень имен, начиная с Бердяева и Булгакова и кончая Трубцким и Шмелевым. Правильно — плеяда блестящих имен того времени всегда и всюду сопровождала все статьи о первой российской эмиграции. Ну а что же можно сказать о второй и третьей волнах эмиграции? Различны до невероятности они. Но что же, в этих волнах не было ни одного крупного имени? Безликие и бездарные? Полно, так ли это? Ответим — совсем не так. Но автор, используя соответствующие парижские информации определенного направления, утверждающие первую и отрицающие другие волны, не зная их по существу, стал жертвой своего рода групповой дезинформации, исказив невольно картину Зарубежной Руси.

Не прав он, когда заявляет, что "об истинных мотивах эмиграции 'второй волны', послевоенной, многие только догадываются". Тут и догадываться нечего. Они очень хорошо известны. Начиная с протеста против сталинского гнета и массового террора, против разорения российской деревни, против предельной несвободы и кончая вооруженной антисталинской оппозицией с ее манифестом КОНР, предусматривающим свободное обще-

ство со смешанной экономикой — отлично вписывающееся в нашу современность, вторая эмиграция в лице своих лучших представителей почти гениально наметила все то, что сейчас стоит на повестке дня. Вагин напирал на вынужденность эмиграции второй волны. Да, это правильно, но не только это. Многие шли в нее в надежде получить после войны возможность начать борьбу с ненавистным режимом во имя освобождения родины от сталинского гнета. При этом речь шла о создании страны, в которой человек мог бы спокойно жить и плодотворно работать. Ни о каких "реставрациях", "изменах" и прочего в том же роде и речи не было. Было тогда стремление убрать то, что привело в наши дни к катастрофическому состоянию страны, использовав те возможности, которые мог дать запад.

"...Такого рода устремления и идеалы вынашивались и вырабатывались в условиях совсем нелегких — идет ли речь о первой или второй 'волнах' русских изгнанников. Надо знать и уметь видеть истинные причины трудного положения русских за границей, дабы не сводить все прямолинейно к сплошной запойной ностальгии". Согласимся в этом случае с автором статьи и добавим, что она прямо и непосредственно перекликается со статьей Вячеслава Соколова — "Так гнали и пророков", посвященной церковной жизни Зарубежья. Последняя посвящена в сущности и исключительно деятельности или служению Русской Зарубежной Церкви и совершенно выпускает из виду влияние Российского Зарубежья на распространение Православия за рубежом, наиболее значительным результатом которого было образование Автокефальной Американской Православной Церкви, Церкви всего американского континента и создание Японской Православной Церкви, созидающей православную Японию пока на принципах автономии. Нельзя рассматривать церковную жизнь зарубежья только в одном аспекте, наиболее близком автору, накладывая тем самым эталон известного провинциализма на всю статью. Кто создал Американскую и Японскую Церковь или Западно-Европейский экзархат, а также вошел в Католическую Церковь восточного обряда? Ведь те же российские эмигранты. Другой вопрос почему они это сделали? Но ведь "из песни слов не выкинешь", а миссионерская деятельность эмиграции — несомненная реальность. И, как ни удивительно, но наибольшие заслуги в этой области принадлежат именно второй эмиграции. Поставим пока на этом точку...

И отвечая на вопрос Михаила Антонова, поставленный по сути дела названием его статьи — "Перестройка или преобразование?", скажем, что в нынешних предельных условиях

речь должна идти именно о преображении. Другого пути нет, и это подтверждается нашей действительностью. И мы лишь можем присоединиться к заключительному тезису статьи М. Антонова, говорящему, что "без публичного покаяния и изменения отношения партии и государства к Церкви выход из кризиса, возрождение страны невозможны". Это несомненная аксиома, и ее, к сожалению, пока многие не понимают. Когда-нибудь поймут, но надо надеяться — не слишком поздно. Впрочем, весьма характерно то, что М. Антонов в этой своей основополагающей по существу статье решительно отказывается и от командно-директивной системы управления страной, и от капитализации советского общества. Где же выход? Только в своем собственном особом российском пути возрождения страны. По его мнению — "Корень всех наших бед — в бездуховности, в жизни без идеала, который включал бы обе составляющие: не только социальное переустройство общества на справедливых началах, но и личностную (собственную нравственную) чистоту". Под таким решением вопроса охотно подпишется каждый из нас.

Трудно в одной краткой рецензии оценить все опубликованное в "эмигрантском" номере иркутской газеты. Но недаром многие проводцы утверждали, что все правое придет к нам с востока... Так и с "Литературным Иркутском". Опубликованные в нем статьи о Ротари-клубах, о Христианском Православном государстве, статья И. Ильина о том "Какие же выборы нужны России?", отрывок из произведений И. Шмелева — "Как нам быть?", отрывок из известной книги проф. А. В. Карташева — "Воссоздание Святой Руси", заметки об экономической перестройке А. Беляева — "Придите и владейте нами", — все это вместе взятое составляет единый комплекс, направленный, с одной стороны, на выявление духовных богатств Зарубежной Руси, а с другой, на то, как и в каком направлении должно идти воссоздание новой России, возможностью которого столь озабочены всякого рода "болельщики", усиленно толкующие о путях разрушения империи.

Номер газеты, посвященный религиозно-национальному возрождению России, понимаемому исключительно в плане духовно-нравственного становления страны в сочетании с соответствующим ему социальным и экономическим преобразованием ее структуры, представляет собой незаурядное явление, свидетельствующее о том, что в стране не иссякли живые силы, готовые к борьбе за возрождение той Святой Руси, которую хорошо знали наши предки. Сейчас со всех сторон сыпятся предложения и предположения о воссоздании России на путях демократического капитализма, видя в нем панацею от

всех бед. Едва ли это реально. Россия будет, но будет как государство соборное, государство правовое, государство союзное, построенное на несколько иных принципах, чем современные демократические государства, видящие свои идеалы в свободном рынке и неограниченно лелеющие свободное предпринимательство, усматривающие в нем источник всех благ, игнорирующие слабые и отрицательные стороны такого социального устройства. У России свой путь, путь особый, неприемлемый для шаблонного мышления, путь, озаренный Свыше, дающий ей особые иррациональные силы для выполнения возложенных на нее мировых задач.

Примечание. К сожалению, мы считаем необходимым написать небольшое примечание к данной рецензии, с которой мы в ряде пунктов не совсем согласны. Согласие автора на это примечание мы имеем. Нас прежде всего поразило, что о. Константинов говорит об антисталинской оппозиции второй волны и вообще упоминает лишь сталинский гнет. Мы, вторая волна, были не только антисталинцами, но антикоммунистами. Я сама, правда, не принадлежала к Власовскому движению, хотя с ним немало соприкасалась. Я совершенно не могу вспомнить термина "антисталинизм" в ту пору. Мы все были, повторяю, антикоммунистами. Сколько я могу вспомнить, термин "антисталинизм" появился при Хрущеве, и теперь им, конечно, спекулируют горбачевцы, стараясь обелить Ленина и марксизм-ленинизм, сваливая все вины на Сталина лично и отчасти на Брежнева. Это опасная тенденция, и нам не нужно ей следовать.

У нас есть возражения и в отношении анализа статьи М. Антонова. Так, автор рецензии называет аксиомой слова Антонова, что партия и государство должны изменить свое отношение к Церкви. Это какая же партия? Совершенно очевидно имеется в виду КПСС и подчиненное ей до сих пор государство. Но как же эта партия может изменить свое отношение к Церкви? Эта партия основана на идеологии марксизма-ленинизма, а в основе этой идеологии лежит ненависть к Богу. Церковь же основана на слове Божьем, на любви к Богу и служении Ему. Как же эта партия может изменить свое отношение к Церкви? Она может стараться использовать Церковь в своих целях, что уже делалось и теперь делается. Но принципиально она не может изменить своего отношения к Церкви. Государство же может изменить свое отношение к Церкви только, если оно выйдет из-под начала этой партии и станет от нее независимым. Да извинит нам автор рецензии, но мы считаем требование М. Антонова в его контексте не аксиомой, а абсурдом.

Далее: какую "капитализацию" отвергает

Антонов? Что это вообще за новый термин "капитализация"? Новый жупел в арсенале советской пропаганды? Если "капитализация" означает сосредоточивание капитала в одних руках, дающее возможность предельной эксплуатации населения, то высшая точка такой капитализации уже достигнута в СССР, где весь капитал находится в руках партийного государства-монополиста. Любые реформы могут повести лишь к полной или частичной декапитализации. Так что, чем нас пытаются пугать Антонов, совершенно непонятно. Однако частичная декапитализация государства-монополиста, т. е. так называемое "смешанное хозяйство" мало что даст. Против него как негодного гибрида предупреждают все немецкие эксперты по экономике, и они правы. В Европе существует свободное социальное рыночное хозяйство, и оно у нас на глазах дает прекрасные результаты. Мы не скрываем, что хотели бы такого хозяйства для нашей родины.

Мы также никак не можем согласиться с М. Антоновым, что помощь Запада приведет к закабалению страны или превратит ее "в мировую свалку радиоактивных и других вредных отходов". Это опять новый жупел в духе советской пропаганды. Может быть, М. Антонов заметит, что как раз сейчас, летом 1990 г., немецкие эксперты находятся на Байкале с целью обсудить, как можно было бы помочь восстановить чистоту этого уникального озера, уже сильно загрязненного хозяйничаньем "любимой партии". Европейские демократические правительства и европейские промышленники прекрасно понимают, что экологическое уничтожение Восточной Европы, включая Россию, рано или поздно отзовется весьма негативно и на Западной Европе. Они очень далеки от состарившегося хищника А. Хаммера, на которого ссылается Антонов, и который был другом Ленина и остался другом коммунизма, а не российских народов. Европейские промышленники готовы помочь средствами, специалистами и технологией для экологического восстановления Восточной Европы, включая Россию, где экология безумно разрушена социализмом. Только теперь мы в Западной Германии с ужасом узнаем, до какой степени отравлена соседняя Восточная Германия. Повторяем, Западная Европа готова помочь и российским народам, но средства должны вкладываться в конкретные разумные проекты, а не сыпаться в бездонную бочку социалистической бесхозяйственности. На последнее у Запада уже нет охоты. Западная Европа готова помочь и хозяйству СССР в целом, но опять-таки при условии перехода к разумному свободному социальному рыно-

чному хозяйству. Как раз пришло сообщение, что Ельцин договорился с Горбачевым о введении рыночного хозяйства в течение 500 дней, т. е. в течение полутора лет, причем в основу должна быть положена программа Русской республики. Мы сможем об этом сказать что-либо конкретное, когда будет известна эта программа. Будем надеяться, что это решается не только для вида, чтобы обморочить Запад и получить от него под эти обещания кредиты. И что такого короткого времени будет достаточно.

По его статьям в других журналах мы знаем, что М. Антонов старается соединить несоединимое, а именно марксизм и христианство. И в разбираемой статье он пишет, что перестройка не продумана потому, что забывает "истинную сущность социализма, какой она представлялась самым благородным историческим деятелям. Ведь и классики марксизма-ленинизма видели главное преимущество социализма перед капитализмом не в более высоком уровне производительности труда, объеме производства и потреблении материальных благ, а в недостижимой для старого строя степени развития "очеловечения" самого человека". Очеловечили, нечего сказать! Нет, г-н Антонов, классики марксизма-ленинизма, т. е. Маркс и Ленин вдохновлялись совсем другим. Об этом много написано, а наше примечание и так уже разрослось, так что подробно мы здесь об этом писать не будем.

В заключение мы хотим указать на то, что последняя часть рецензии о. Константинова нас весьма огорчает. Думается, она основана на недоразумении и незнании структуры свободного социального рыночного хозяйства. Мы считаем, что личная инициатива, свобода предпринимательства, соединенная, конечно, со значительной социальной нагрузкой, как это имеет место в свободной Европе, свобода творчества и в области хозяйства — совершенно необходимы. Если все это на "третьем пути России" будет по-прежнему удушаться, мы не добьемся ничего хорошего.

А предупреждение М. Антонова против будущего обжорства в России и слова Куняева, главного редактора "Нашего современника" после его поездки в США, о том, что полные супермаркеты убивают душу, звучат жестоким цинизмом в стране пустых магазинов, длиннейших очередей, в стране обездоленных и озлобленных людей, в стране, где грозит нехватка даже хлеба, в стране, правительство которой кланчит у "капиталистов" кредиты, чтобы купить хлеб у американцев с "убитой душой". Поменьше пустых громких слов, господа!

В. ПИРОЖКОВА

В. РУДИНСКИЙ

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

(Józef Mackiewicz "Bunt Rojstów", Warszawa, 1990)

Превосходные репортажи Мацкевича по времени локализованы в независимой Польше, а по месту действия — в Виленщине и в Полесье, на территории бывшего Великого Княжества Литовского.

Картины, рисуемые им, и сообщаемые им сведения, изложенные в блестящей форме, как только и мог выполнить крупный писатель большого таланта, имеют привкус неповторимости. Что теперь происходит в данном регионе (как любят выражаться подсоветские ученые), — мы не знаем; но, наверно, многое изменилось (и не к лучшему!).

А тут мы видим такие вещи, как быт и успешное распространение различных протестантских сект (баптистов, пятидесятников и пр.) в областях на границе с Советами, главным образом за счет православия; нравы белорусских сел, порою наглухо отгороженных топами и дебрями ото всего остального мира, и еврейских местечек (какая судьба постигла позже их обитателей?); борьбу за свои права рыбацких на озере Нароч; транспортные трудности на лесных и болотных просторах северо-запада; борьбу среди педагогов в захолустной школе, между польскими шовинистами и учителями, воспитанными на традициях русской культуры царской эпохи; описания ботанической и зоологической ситуации в Беловежской Пуще, — и сколько еще другого!

Очень симпатично то сочувствие, с которым автор относится к православным белорусам, каковых он всегда готов защищать от мелких придирок местных властей или от неудачных мероприятий центрального правительства. Свойственные ему широта взглядов, человечность и беспристрастность, коими насыщены все его очерки, — делают ретроспективно полякам и польской культуре в 10 раз больше чести, чем действия критиковавших его и боровшихся с ним полонизаторов и ура-патриотов из числа его современников.

Увы! Можно думать, что западным белорусам еще гораздо горче пришлось, когда

они попали под власть большевиков; если Варшава не всегда к ним благоволила, то уж от красной Москвы им тем паче ничего хорошего ждать не приходилось... Впрочем, они и не ждали; нам в книге ясно показано, что, узнав об ужасах коллективизации, население порубежных с СССР районов от коммунизма бесповоротно отшатнулось.

Мацкевич, мы знаем, в дальнейшем жил и умер в эмиграции. Отрадно видеть, что вышеразбираемая книга издана в Польше. Но, сдается, польской публике еще бы интереснее было ознакомиться с его замечательными романами: "Droga Donikad", "Nie trzeba głośno mówić", "Lewa wolna". Из них первые два рассказывают о событиях второй мировой войны, о советской и о немецкой оккупации, а третий возвращает нас к периоду первой великой войны и к возрождению самостоятельной Польши. А также, конечно, нужно бы было выпустить в свет и его замечательную "Катынь", с первым по времени и исчерпывающим изображением одного из самых чудовищных преступлений современной истории, — расстрела чекистами нескольких тысяч военнопленных польских офицеров.

Заслуживают также опубликования у нее на родине и книги тоже уже покойной, не надолго его пережившей, жены Мацкевича, Барбары Топорской, где читатель опять же переносится к часам польской независимости *entre deux guerres* ("Spójrz wstecz, Ajonie"), к часам бедствий в течение последней войны ("Na wschód od dzisiaj" и "Siostry") и к перипетиям позднейшего существования польских беженцев в Италии и в Англии ("Na Mleczney Drodze").

Будем надеяться, что все они станут, и не в очень далеком грядущем, доступны польскому читателю! Хочется тоже верить, что и русская публика сможет когда-нибудь прочесть в переводе и Мацкевича, и Топорскую; оба они представляют собою важнейшее явление польской литературы нашего века.

В. РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Вече" № 37. В открытом письме Солженицыну О. Красовский задает вопрос: "Почему всеми нами глубоко уважаемый Александр Исаевич Солженицын наложил на себя обет публицистического молчания, длящийся уже несколько лет?" В самом деле, почему? Мы тоже себя спрашиваем. Интересно, ответит

ли адресат. Если нет, то жаль.

Большая статья В. Тростникова "Старая сказка и новая действительность" производит двойственное впечатление. С резкой критикой советского государства мы на 100% согласны. Однако научная аргументация нам сомнительна. Автор считает, что картины змебор-

ства в сказках народов всего мира изображают символически противодействие тиранической власти. Это навряд ли. Скорее, они просто отражают борьбу человека на заре времен со всякими вполне реальными чудовищами, предками и ныне существующими большими ящериц, водяных и сухопутных, типа крокодилов и варанов, и огромных гадов, вроде боа и питонов. Если в некоторых легендах — скажем, о Минотавре — можно усмотреть союз дракона с земным правительством, тут опять-таки следует предположительно видеть намек на исторически и впрямь имевшие место культы, основанные на поклонении рептилиям и различным зверям. Вовсе искусственны сопоставления Ленина с Ваалом, даже если сие последнее имя читать как **Вил!**

В “Заметках на полях” А. Кустодиева также есть правильное и неправильное. К первому отнесем уничтожающий разбор антирусской дезинформирующей галиматии, опубликованной в итальянской газете “Република”; ко второму — славословия по адресу покойного графомана В. Криворотова, соединявшего в своих сочинениях тупую озлобленность и крайнее невежество.

Даже с талантливой и умной В. Вулич на сей раз не во всем мы можем солидаризироваться. “Назад история идти не может!” — возглашает она. Отчего же? Реставрации после революций вещь обычная; а разве оно не означает всегда возврата к старому? Что с некоторыми переменами — само собою ясно, да ведь это уж другое дело. Зато верно и точно подмечено ею, что и на Западе, и в СССР: “Историками и социологами, как будто по какому-то тайному сговору, дружно фальсифицируется вся картина сегодняшнего мира”.

Превосходно дано разоблачение антирусского характера передач американской радиостанции “Свобода” и гибельности подобного направления в статье М. Назарова “О радиоголосах, эмиграции и России”. Приводимые им цитаты из радиопередач (Матусевича, Малинковича, Парамонова и др.) убийственны по их богохульному и аморальному устремлению. Зачем американское правительство подобные мерзости допускает? А вот: “отождествление русского народа и режима для правительства США это удобно прагматический облик потенциального врага. Объяснять своим солдатам, что во вражеском стане, помимо коммунистов, есть измученный христианский народ — создает для них излишнюю психологическую нагрузку”. Заметим, что именно так рассуждали и немцы. И чем кончилось — известно...

В статье подсоветского исторического романиста Д. Балашова “Россия на перепутьи”, верно очень много; но все же — не все.

Он считает, что последняя война Германии против России была сплошной нелепостью и что она “проиграла 2-ю мировую войну по существу уже 22 июня 1941 года”. Ничуть! У Третьего Рейха долго, почти до конца, имелись шансы на победу — перемены он безумную свою политику по отношению к русскому народу.

Обвинения, выдвигаемые автором против советского режима, вполне обоснованы. Сдается только, что зря он их — и, особенно, в такой мере — направляет заодно против подсоветского народа. Наоборот, ценно то, что он предлагает и конкретные меры по улучшению жизни, спасению природы, сохранению и восстановлению памятников, причем весьма дельно и разумно их формулирует. Присоединимся, в числе прочих, к такому его пожеланию: “Немцам Поволжья безусловно вернуть их землю и их правовой статус. Это надо для России, для ее морального оздоровления”.

“Новый московский летописец”, П. П., своим сатирическим пером утомляет. Лишь изредка блеснет под оным воспроизводимый им забавный анекдот; а в целом его юмор — натянутый и искусственный.

“Заря” № 25. Читаешь в “научно-популяризаторском” очерке “Париж — древний город” упоминание о римском военачальнике **Лабиеносе** (sic!), и чувствуешь, что с людьми, стоящими на уровне подписавшегося под ним **А. Н.**, спорить бесполезно и объяснять им что-либо нет смысла. Сообщим ему все же, что данного полководца звали Лабием. Даже “Русская Мысль”, которая изобрела когда-то **Корвинуса** (вместо Корвина), не писала **Корвинюс**. Это надо же додуматься! Что уж и говорить о вполне безграмотных оборотах (в отделе рецензий), как “книга Давида **Ирвинг**”. Они суть специальность “Зари”. К числу сколько-то интересного в журнале можно отнести очерк В. Бережного “Последний путь” (о выдаче генерала Владова).

“Новый Журнал” № 177. От продолжений мы переходим тут к окончаниям. Таковые и у “Души, плывущей в эфире” И. Муравьева, и особенно у “Серпа и молота” К. Ушакова, испорчены ненужным нагромождением ужасов. Н. Терлецкий продолжает упражняться — к сожалению, без большого успеха — в рассказах то ли символических, то ли таинственных (да вот беда, скучных!); тот, что в данном номере, называется “Мост”. Напротив, рассказ Н. Васильевской “Первый год” очень неплох; хотя это, собственно, скорее, очерк из воспоминаний врача в подсоветской русской провинции.

Эссе Н. Ульянова “Драма Гоголя” читается с увлечением, но не все тезисы автора убедительны. Исследователь объясняет пред-

смертную болезнь Гоголя дурной наследственностью, но не приводит доказательств. Вот факт, что его затравило общество, и специально — левые, за “Избранные места из переписки с друзьями”, и что именно это сыграло главную роль в его гибели, надо считать бесспорным.

Отвращение и негодование пробуждает в душе “Малоизвестный эпизод Второй мировой войны” М. Раева. Г-н Раев прославился своим активным участием в темном деле присвоения Колумбийским Университетом Бахметьевского Архива. Р. Гуль, тогда редактор “Нового Журнала”, заклеил данную акцию как преступную и подсудную. Tempora mutantur... причудю судеб Раев играет теперь видную роль в редакции того же самого печатного органа!

В разбираемом нами отрывке из своих воспоминаний автор рассказывает, как работал в США переводчиком в лагерях для русских военнопленных (где были также кавказцы, узбеки и представители иных народностей СССР). Он был, и, видимо, остается поныне, абсолютно глух к трагедии людей, осужденных на страшную участь сговором Сталина с его западными союзниками. Гордый тем, что он “американец русского происхождения”, Раев наблюдал их с бездушным отчуждением энтомолога, рассматривающего странных и неприятных насекомых. Ни слова жалости, ни проблеска понимания не встретим мы в холодных, безразличных строках его повествования.

Даже сейчас, десятки лет спустя, он не испытывает стыда за свое бесчеловечное отношение к жертвам ялтинских и прочих подлых соглашений между добрым дядей Джо и его глупыми заокеанскими друзьями; у него в сердце нет ни малейшего сочувствия к погибшим, ни малейшего раскаяния за свое содействие их роковой судьбе... Лучше бы ему было, по крайней мере, молчать о своем поведении, а не оставлять современникам и потомкам документа, свидетельствующего о его черствой бесчеловечности и о его политической неграмотности!

“Страна и Мир” № 1 (55). Передовица бодро возвещает: “Мировой коммунизм заканчивает свое существование”. Делая, однако же, кое-какие оговорки: “Конечно, в Советском Союзе пока еще сохраняются все те же структуры власти... Конечно, ночь, наступившая в Китае... может продлиться еще долго. Конечно, на Кубе еще прочно сидит Кастро, а в Северной Корее — великий вождь Ким Ир Сен”. Оговорки весьма существенные.

В не лишней интереса статье Л. Люкса “Евразийство”, отметим приводимые автором слова Ф. Степуна: “Заемствованные на Западе республиканские и социалистические идеи привели Россию к беспрецедентному унижению”.

Уже известный нам С. Лезов безобразно кощунствует на тему об “иудеобоском потенциале Нового Завета”. Забавно, что он, видимо, не знает слова “богословие” и все время уныло оперирует термином **теология**.

Рецензируя немецкую книгу Б. Гройса “Gesamtkunstwerk Stalin”, Г. Андреев трезво резюмирует причины неприемлемости авангардного искусства для большевиков: “Авангард — искусство разрушения, такое искусство полезно на стадии, так сказать, расчистки места для строительства нового мира. Когда же революционный импульс исчерпан и победители принимаются сооружать новый мир, требуется искусство, утверждающее, прославляющее победителя, искусство скорее консервативное, чем революционное. Таким искусством стал социалистический реализм”.

А. Быстрицкий открывает Америку: что в 20-е гг. не вся молодежь была настроена большевистски, а что, напротив, значительная ее часть оставалась традиционно верующей или занималась религиозными и философскими поисками; что имелись антикоммунисты и даже антисемиты. Все сие бесспорно и очевидно; если он раньше не знал — можно только удивиться.

“Время и Мы” № 107. Ю. Борев: “Около полувека собирал притчи, легенды, апокрифы о Сталине”. Они могли бы быть интересны, но... Одни из его историй (например, “Экспроприатор”) абсолютно неправдоподобны, другие (“Сталин и Пржевальский”, “Об отце и братьях”) находятся в полном между собою противоречии: Сталин не мог быть сыном **одновременно** Пржевальского и князя Эгнаташвили! Большинство же рассказов (как их ни называй) просто бессодержательны.

“Интервью с Борисом Хазановым”, взятое давно уже знакомым нам Дж. Глэдом, включает предельно уничижительные оценки Солженицына и Максимова. Они, узнаем мы, **соцреалисты**; они “нового слова в литературе уже не скажут”; они “сторонятся интеллектуальности”; в общем, это — “литература вчерашнего дня”. К литературе **сегодняшнего** интервьюируемый относит — и осыпает похвалами — Бродского и Горенштейна. Восхищается он, впрочем, также Синявским и Войновичем. Трудно не подумать, что определяющим фактором для редактора “Страны и Мира” являются не столько чисто литературные и эстетические соображения (на каковые он нападает), сколько политические, а возможно, и национальные.

Выпишем еще его не чуждый пронизательности отзыв о Лимонове: “Книги Лимонова произвели впечатление на русского читателя, который никогда не видел напечатанным матом, никогда не видел перед собой эти размазанные в таком изобилии и сентиментальные сексуальные сопли. Вместе с тем,

настоящая жизнь человеческой души исчезает из такой литературы". Странно: очень похожие мысли приходили нам в голову при чтении беллетристических произведений самого Хазанова, вроде "Антивремя".

Противновато, что, нападая на альманах "Вече", г-н Хазанов выражает досаду, зачем "баварская полиция не интересуется русской литературой и журналистикой". Тут попахивает доносом... Мы, к примеру, часто тоже "Вече" критиковали — но мыслимо ли себе представить, хоть на миг, чтобы мы стали прибегать к подобным приемам?!

Беллетристика, в данном номере и в предшествующих, — серая и никчемная. С. Довлатов, похоже, вконец исписался. Единственный автор, в стихах которого мелькают искры таланта, — А. Дементьев.

С. Резник ("Левый марш крайне правых") применяет трюк, который Пушкин некогда окрестил: "Сам съешь!" Разоблачают руссофобию — он в ответ кричит: "Антисемитизм!" Здравый смысл подсказывает, что именно доведенная поистине до Геркулесовых Столпов руссофобия, производимая тоннами за границей, притом на русском языке, и перебрасываемая старательно в СССР (о чем с гордостью упоминает Хазанов), порождает и стимулирует антисемитизм; иначе и быть не может. Может статься, кому-то именно такое нужно и выгодно? Хотелось бы разобраться; но тут встает густая дымовая завеса и, подлинно:

Ничего в волнах не видно...

Чего хотят от нас г-да руссофобы? Чтобы мы сказали, что мы, русские, — народ убийц, унтерменши, и подлежим поголовному уничтожению? Такого не будет. А их имена останутся на скрижалях истории записаны с таким же позором, как таковые их предшественников, — Геббельса, Гитлера и прочих.

Е. Гессен считает, что 3-я волна кончилась, а теперь идет 4-я. Положим, с этим мы не согласны; но неважно. Анализируя же пути своей, 3-й волны, талантливая эссеистка высказывает чрезвычайно горькие мысли (с какими даже самые решительные противники новейшей эмиграции, принадлежащие к правому лагерю, не рискуют выступать). Общая характеристика разбираемой ею третьеволновой словесности дана в словах: "Макабр и водевиль". Об Аксенове специально говорится, что он: "не только не открывает Америку, — он ее закрывает". Творчество Г. Рыскина (по поводу его книги "Осень на Виндзорской дороге" с подзаголовком "Записки массажиста") комментируется следующим образом: "Герой Рыскина взирает на мир... через ягодицы и фаллосы своих американских клиентов, которых он презирает". Надо заметить, что при чтении как подобных опусов самих по себе, так и их анализ,

надлежит безразлично откладывать в сторону, вроде как в анатомическом театре.

Н.В. По-латыни "рассказывать" будет не *parare*, а *paragere*. Неладно у "Времени и Нас" с латинским языком! До смешного... Впрочем, кто виноват, в данном-то случае, г-жа Гессен или редакция:

Судить не нам...

"Накануне" за 1990 год. В статье "Погромы", помещенной в органе Российского Монархического Союза в Англии, В. Зарубин красочно описывает расправы, произведенные большевиками в 1918 г. в Одессе над "контрреволюционерами, людьми ни в чем не повинными, бывшими фабрикантами, домовладельцами, чиновниками, офицерами, юнкерами, духовенством, интеллигенцией, даже малолетними кадетами".

Из английской редакционной передовой выпишем абзац, содержание которого нам кажется вполне правильным: "Let us never forget the unparalleled suffering that the Soviets have inflicted on millions of people — the millions of deaths they have been responsible for either in Russia itself or elsewhere through their puppet government or agents. The communist movement is the most evil, dark shadow that has befallen the world since the French Revolution. Fascism has nothing on it".

"Слово" №1 (111). Журнал, видимо, самоопределился в сторону монархизма (до сих пор его высказывания носили двусмысленный характер). По крайней мере, последняя строфа предлагаемого им нового русского гимна звучит так:

Бога — Монарха — Отечества с нами
Крест, и Орел, и Держава вовек.
Реет святое Российское Знамя.

Слово Христово хранит человек.

Форма не из блестящих, но чувства — похвальные.

Любопытны воспроизведенные тут выступления делегатов на 2-ом съезде народных депутатов с 12 по 24 декабря 1989, а также и некоторых членов на пленуме Союза Писателей 13–14 ноября 1989.

"Русское Возрождение" №№ 46 и 47–48. Сильно удивляют многократные почтительные ссылки на Н. Федорова! Учение сего философа является безусловно еретическим в глазах как православной Церкви, так и любой христианской. Отдельные мысли его, не станем спорить, порою и правильны; но уместно ли подавать его читателям как некий авторитет, в роли мудреца и наставника?

Еще более смутное впечатление оставляет то, что, воспроизводя проникнутую монархической идеей старую статью П. Лопухина "Святая Русь и русское государство", редакция спешит от нее отмежеваться, заверяя нас, что она де "не связывает себя ни с

одной политической доктриной". Лучше бы тогда просто было данное эссе не перепечатывать. Тем более странно все это выглядит в момент, когда рост монархических настроений в России столь очевиден, что его даже левая зарубежная и иностранная пресса должны признавать. Не такова была обычно позиция русской Зарубежной Церкви; отчего же она вдруг заколебалась в своих убеждениях в наши дни?

Д. Мелехов приписывает смерть Гоголя **аффективно-бредовому психозу**. Только ли в этом было дело? Не слишком ли плоско такое сугубо научное объяснение?

О. Д. Дудко комментирует свое падение, свою сдачу перед советской властью в словах: "Я не пытаюсь оправдываться и обижаться... я стою на позиции раскаявшегося мытаря". Мы готовы ему его грех простить и его не осуждать; но его вес как учителя и руководителя, увы, безнадежно утрачен. Притом, в нынешних его рассуждениях, во всяком случае, — много сомнительного.

О. А. Киселев терзается вопросом: "Жива ли Россия?" Посочувствуем ему. Мы-то убеждены, что жива. Если в это не верить, то вся наша работа становится бессмысленной. А усвоение взгляда, что, мол, Россия погибла и спасению не подлежит, — оно очень удобно для всех оппортунистов, в частности в эмиграции; тогда законно ни о какой политической борьбе не беспокоиться и заботиться только о своем личном преуспеянии.

М. Талалай ратует за возвращение Сенной Площади в Ленинграде ее прежнего имени, как и различным улицам города, подвергшимся переименованию. Мы на сей счет думаем, что надо бы начать с возвращения самому городу его единственно законного и приличного названия: Петербург.

"Беларускі Голас" № 354. Передовица приветствует с восторгом падение Чаушеску, которое рассматривает как завершение освобождения Восточной Европы. К сожалению, позднейшие события — позорные и трагические результаты выборов, утвердившие в Румынии (и уж наверно, надолго!) власть коммунистов, а потом и зверская расправа с демонстрантами из оппозиции (не хуже, чем в Китае!) — доказывают, что радоваться еще рано. Да и в других странах того же региона не всюду и не всегда дело обстоит хорошо...

К жутким именам Катыни и Куропат газета прибавляет таковое Могилевских каменоломен, где обнаружены массовые захоронения жертв **энкаведистских злодеев**.

Некий Иван Бушило, из деревни Бастынь в Белоруссии, 42 года скрывался в болотах от чекистов, искавших его за неосторожные слова по адресу советского строя. Окрестные жители ему помогали, и среди них не

нашлось ни одного иуды, чтобы его выдать. Теперь он решился сдать властям. Горько читать рядом сообщение, что Австралия готовится передать Советам другого белоруса, тоже Ивана, Палюховича, якобы сотрудничавшего с немцами во время оккупации. Когда же рассеется кошмар над "свободным" (!) миром, где хозяйничают советские палачи? Не уместнее ли бы их арестовывать и судить за сотворенные ими небывалые, невиданные в истории человечества зверства?! А им еще подкидывают в лапы их противников, всех, кого потребуют...

"Наши Вести" № 416. Разбирая эволюцию радио "Свобода", журнал констатирует, что, начиная с 1972 г.: "Радиопередатчики стали вдруг принимать просоветский и антирусский характер. Большинство новоприбывших сотрудников русской редакции — атеисты и руссофобы... "Эволюция" на Р.С. скоро перекинулась и на две другие радиостанции". Той же теме посвящена и статья Л. Барат-Баранова "Проповедники глобализации руссофобства".

С. Гаков призывает: "Наш долг сделать все от нас зависящее, чтобы очистить народную память от всего мусора и хлама, которым... загадили ее на протяжении последних семи десятилетий. Что же могли бы мы с вами сделать конкретного? Во-первых, перестать бить себя в грудь, свидетельствуя, например, о своем монархизме, но ровно ничего не делая полезного для приобщения к монархической идеологии других, в частности, тех наших соотечественников в России, которые, отталкиваясь от всего коммунистического, интуитивно тянутся к Православию и жадно знакомятся со всем, что связано с прошлым исторической России".

Мы вот этим самым **приобщением** и занимаемся уже сколько лет. Так что, пожалуй, имели бы даже и право **бить себя в грудь**; к чему, впрочем, особой охоты не испытываем.

"Русская Мысль". И. Берлин в интервью М. Мейлаху протаскивает отвратительную идею, будто **интеллигентом** должен считаться лишь тот, кто активно борется против государства и Церкви и истово исповедует принципы рационализма, по удачной формуле Д. Панина, таковые являются **разрушителями**. Согласно подобной шкале надлежит из интеллигенции исключить Гоголя, Достоевского, Гумилева, но зато на видное место поставить Чернышевского, Милюкова и, естественно, Ленина с Троцким. То есть, отвергнуть гениальность и восславить посредственность. Немудрено, что типичным и истинным интеллигентом Берлин провозглашает И. Бродского; тот, безусловно, по характеру — **разрушитель**, а не **созидатель**.

"Наша Страна". 2 развернутые рецензии

("Архипелаг в огне" Г. Криваго и "Русский журналист на Мальвинских островах" В. Ламсдорфа) посвящены книге Н. Казанцева "Malvinas a sangre y fuego". Мы ее своевременно получили и прочли. Жаль, что она имеется только по-испански, что делает ее малодоступной для основной массы русских читателей. Яркое и точное описание событий англо-аргентинской войны за Малуинские острова в 1988 г. представляет большой исторический интерес. Хорошо бы, если бы автор, по меньшей мере, опубликовал свои воспоминания в каком-либо из русских зарубежных журналов, коли уж нельзя покамест издать русскую версию книги в целом.

"Континент" № 63. В. Максимов призывает: "Пора перестать искать виноватых в Сталине, в Ленине или в жидо-масонах". Виноваты, оказывается, "мы сами". Между прочим, в силу порочной терминологии, и смысла у него порою понять нельзя. Он вот сообщает: "Так называемые "правые" меня мало интересуют". Кто суть для него **правые**? Почвенники, как расценили бы их мы, или ортодоксальные большевики (как, скорее всего, подразумевает он)? Ему вторит из СССР некий Ф. Парфенов, прямо возглашая: "С Россией кончено" и "Вперед — ничего радостного". Оно и понятно, ибо: "Нам ой как далеко до чехов, до немцев, поляков, венгров, прибалтов, грузин..." Не присоединимся к этим воплям пессимизма и вспомним лучше слова В. Солоухина:

Россия еще не погибла,
Пока мы живы, друзья.

Из биографического примечания к статье Е. Вертлиба с длинным заглавием: "Генезис и пути политического сознания при Горбачеве", узнаем, что автор работал в калифорнийском институте военных языков. Неужели такие в самом деле существуют? Чудеса, право!

Из очерка А. Ордовой "П. И. Чайковский — читатель", выносишь впечатление, что у знаменитого композитора был дурной вкус. Он настолько ненавидел В. Гюго, что его прекрасный роман "Труженики моря" разодрал в куски, заплывал (в буквальном значении слова) и выбросил в окно; а "Человека, который смеется" вообще отказался открыть. Ненавидел он и Золя; ну, это еще можно понять. В сфере же русской словесности, он обожал Л. Толстого и Чехова и считал Достоевского **антипатичным** (!).

Беря интервью у Б. Окуджавы, В. Амурский почему-то называет Ф. Вильона (в его омерзительном советском произношении **Вийона**) "еретиком". Сие лишено основания. Если французский поэт и вел беспутную жизнь, в вопросах религии он всегда был строго ортодоксален и, видимо, пламенно верил во все, во что полагается христианину.

К.С., рецензируя книгу В. Швейцер "Быт и бытие Марины Цветаевой", выдумывает жуткую детективную историю: поэтесса не повесилась, а ее повесили! Кто? Зачем? Она нам не сообщает и доводов никаких не приводит. Та же К.С. целиком солидаризируется с "Октябрем", ставя ему в большую заслугу опубликование в СССР хулиганской стряпни Синявского против Пушкина.

Д. Волчек пишет все имена и фамилии с маленькой буквы: **робб** — **грйе**, **де сад**, **октавио**. Несмотря на оригинальность сего приема, стихи его остаются на уровне ниже нуля. Остальные стихи в номере одни — средние, другие — посредственные. Не исключая поэму Ю. Гордиенко "11 дощечек", рисующую будто бы эпизод из истории Срединного Царства, но построенную на прозрачной аллюзии на Советский Союз.

И. Бродский описывает свою поездку в Рио де Жанейро на конгресс Пен-Клуба смесью макаронического языка à la Карл Маркс и Энгельс с уголовной феней. Вот его рассказ о беседе с представителем Восточной Германии по поводу литературных прав вьетнамских беженцев: "Потом, апрель уже самого голосования, канает, падло, ко мне ... я сказал что-то насчет того, что у них в Индочайне народа в N раз побольше, чем в Демократише и не-Демократише вместе взятых и, следовательно, есть все шансы, что имеет место быть эквивалент Анны Зегерс унд Стефана Цвейга". Конгресс протекал, как нас информирует нобелевский лауреат, в атмосфере пьянства и унылого разврата. О бразильцах он отзывался так: "не люди, а какая-то помесь обезьян с попугаем". Фамилию же бразильского президента ухитрился перепутать: **Фигурейдо** вместо Фигейредо. Доллары Бродский почему-то именует **дубами** (?). Себя же самого определяет характеристикой **затравленный психопат**, и трагически восклицает: "Точно на свете есть нечто еще, кроме отчаяния, неврастения и страха смерти". Душевное состояние конченного человека.

Рассказ Е. Попова бездарен, как и все, что выходит из-под его пера. Иное дело Е. Звягин, у которого есть фантазия, да похоже, и талант; жаль, что он свою повесть "Командировка" скомкал, недоработал и излишне запутал. Он дает ей подзаголовок: "Подражание Э.Т.А. Гофману", но подражает гораздо больше Н. В. Гоголю: тут и черевички, и пленительная Оксана (здесь — Людочка), которая за ночь влюбилась в кузнеца, и полет (правда, не верхом на черте; но и не без его участия) в далекие края.

В первый и в единственный раз в "Континенте", мы наталкиваемся на превосходный с чисто художественной стороны рассказ (помещенный отчего-то в рубрике "Стихи из

России"?), "Яблоки из сада Шлицбутера" Д. Рубиной, проникнутой юмором, полный очарования, словно бы солнцем залитый. Жаль только, что не приложена фотография автора в дубленке, которая играет не малую роль в повествовании, и в которой она была похожа "на белогвардейскую контру перед расстрелом, исторически оправданным". Даже сионистская тенденция, нам чуждая, не может испортить отличную эту новеллу, хотя и составляет в ней наиболее слабое место.

"Грани" №156. С удовольствием читаем очерк Ю. Колкера "Изящные науки", где подвергнута критике статья Е. Эткинда в славистическом сборнике в честь И. Сермана. Выясняется, что Ефим Григорьевич стихотворение Баратынского, адресованное Мордвинову, ложно интерпретировал как посвященное Державину. Колкер выражает пожелание, чтобы тот объяснил свой странный для литературоведа промах. Навряд ли он дождется ответа. Мы вот много раз отмечали всякого рода ляпсусы под пером данного "специалиста" — и он неизменно делал тугое ухо и никак не реагировал. Отрадно, однако же, что дутая слава профессора Эткинда начинает помаленьку лопаться. Еще немножко — и его коллеги дружно возопят: "А король-то голый!"

Работу Колкера в целом интересно прочесть: он указывает и на другие дефекты в построениях своего почтенного собрата и подчеркивает антинаучный характер его приемов. Дадим слово ему самому: "Но литературоведение в духе разобранный статьи профессора Эткинда — скорее некая эссеистика, может быть "полемика журнальная" (о которой язви Баратынский), а может — игровое искусство, родственное режиссуре или исполнительству. В худших своих образцах (которых становится все больше) от всего этого "до Герострата только шаг", как по сходному поводу писал Державин".

В исторических размышлениях о гражданской войне Г. Андреев идеализирует февральскую революцию, коей будто бы весь народ горячо сочувствовал. Будь оно так, победа большевиков стала бы непостижимой. Нет, уж мы лучше будем верить, в оценке Февраля, интерпретации Солженицына в "Красном колесе". Притом, если считать, вслед за Андреевым, что в России с 1905 г. существовала парламентская монархия, — неужели стоило устраивать переворот, ввергший в дальнейшем страну в неисчислимы бедствия?! Относительно ошибок белых, автор прав в одном: они не понимали важности пропаганды. В остальном же его к ним мелочные и плохо обоснованные придирки не всегда вызывают сочувствие.

Записки Л. Ржевского о встречах с эмигрантскими писателями уже публиковались

прежде (кажется, и не раз). Бунин, конечно, был крайне несправедлив в отзывах о Бальмонте, об Есенине; напротив, о Ремизове и о Зайцеве (говоря о которых, сам-то Ржевский млеет от восторга) он во многом — в частности, об их языке — совершенно прав. Вовсе неприемлем отзыв мемуариста о Г. Адамовиче: "Имя Адамовича было единственным известным и всеми ценным именем литературного арбитра, связанного с лучшими традициями русской литературы". Темная фигура человека, травившего Цветаеву, отрицавшего Достоевского, посмеивавшегося над Пушкиным, губителя всего талантливого в зарубежной поэзии, заслуживает совсем другой оценки!

В литературном отделе, роман В. Батшева "Ничтожность" — нечто непроходимо скучное, и с неприятным оттенком. Напротив, стихи Н. Максимовой — очень неплохие.

"Nouvelles du Monde Orthodoxe" №6. По поводу поздравительной телеграммы ныне уже покойного патриарха Пимена Рыжкову и Горбачеву, с почтительным упоминанием о "великой социалистической Октябрьской Революции", медонский бюллетень комментирует: "Это, сегодня больше, чем когда-либо, представляется нам неприличным, перед лицом последних событий в СССР и в Восточной Европе. Эта самая "великая Октябрьская Революция" обошлась, как факт, Церкви в сотни тысяч мертвецов, — епископов, священников, монахов и мирян, — погибших в гулагах и в прочих истребительных лагерях". Бюллетень выражает далее сожаление, что московская патриархия не решается возбудить вопрос о канонизации новомучеников, прославленных уже Архиерейским Синодом за границей.

"Синтаксис" №27. Воюя с русскими патриотами, В. Линецкий с бесспорностью доказывает лишь одно: что он искренне ненавидит Россию и русских. Как только он пытается аргументировать, он пускает в ход крапленые карты (да еще и до предела затрепанные!). Ну кто из русских националистов, хотя бы самых крайних, отрицает за Пушкиным звание русского человека (и что бы на это сказал сам Пушкин?), равно как и звание великого русского поэта? Это только именно тот журнал, где сотрудничает г-н Линецкий, такими штуками занимается. А попытки уравнивать русский патриотизм с советским суть и совсем уж шулерские передергивания.

И что сказать о таком вот абзаце: "Так что монархистов (а все, кто публично объявляет себя патриотом, в основном испытывают недвусмысленную склонность к монархическому образу мышления) и коммунистов разделяет лишь несколько слов, и я уверен, что при крайней нужде они всегда найдут возможность договориться. Во всяком случае

за монархистов я почему-то спокоен, — за ними дело не станет”.

Вроде бы, оно не совсем так. Монархистов с коммунистами разделяют не поддающиеся исчислению окровавленные могилы; по обвинению в монархизме в СССР полвека с гаком ставили к стенке; да и сейчас оно для большевиков — самое худшее. А зарубежные монархисты против советского строя боролись, со дня революции и до сего дня, всеми силами. Честные публицисты, хотя бы и не нашего лагеря, как например, А. Авторханов, сие печатно и признают.

Это только г-н Линецкий заявляет о России: “Я не вижу разницы, советская она или царская”; а русский народ разницу весьма даже сознает. Почти каждая фраза в разбираемой статейке лжива, а часто и абсурдна; но не станем тратить место на опровержение злобной руссофобской чепухи.

Г. Померанц неубедительно, и на сей раз нудно, воспевает Л. Толстого, Сахарова и Синявского. Светила, впрочем, весьма различной величины! М. Горелли плетет какую-то мерзкую околесицу с привкусом богохульства, не смешную, не занятую и вообще никчемную. О ней хочется сказать: “И кто его знает, чего он болтает? На что намекает?” М. Вебер поносит старую Россию и оскорбляет память царя Николая II; вряд ли в наши дни это даже в СССР вызовет сочувствие. В воспоминаниях С. Лунгина о В. Некрасове лишний раз уточняется, что тот был алкоголик.

Большой отдел отведен покушениям чем-нибудь замарать память Пушкина. Каким беспомощным, мой Боже! Например, из того, что Пушкин хотел поехать за границу, делается вывод, что он не был патриотом. Выписываются из дневника поэта слова, что он записался в масоны. Было это в годы южной ссылки, когда юный Пушкин и похуже чудил. А что он к масонам в дальнейшем относился с пренебрежительной иронией — бесспорно и общеизвестно. Чтобы убедиться, довольно прочесть его послание к Киселеву. В. Новиков не очень остроумно пародирует исследования советских пушкинистов; но чем хотя бы и самые неудачные их комбинации могут дискредитировать Пушкина?!

“Русские заветные сказки” И. Померанцева — настолько грязная похабщина, что даже по нынешним временам удивляешься ее читать в печатной форме. А Волохонский кощунственно высмеивает евангельские описания чудес Христа. Упражнения сии крайне дурного вкуса. В журнал “Безбожник” они, пожалуй бы, и подошли. Но в журнале на русском языке за границей?

Художественные произведения в номере, в стихах и в прозе, суть продукт бреда.

Разбирать их — дело психиатра, а не литературного критика. Мы и пытаться не будем.

“Вестник Р.Х.Д.” № 158. Большие перемены — и не к лучшему: 1) сотрудничество Солженицына — главный фактор в успехе журнала, — видимо, прекратилось окончательно; 2) сильное полевание, вряд ли вызовет одобрение у читательской массы.

Большая часть номера занята чисто церковными проблемами, входить в обсуждение коих мы не станем. Литературный отдел посвящен, в основном, Пастернаку. На наш взгляд, это — поэт для немногих, к каковым мы не принадлежим, не будучи в состоянии его понимать, тем более любить. Остальное место отведено биографии Б. Поплавского и не очень интересным отрывкам из его дневника.

На роковом пути борьбы против канонизации новомучеников журнал заходит все дальше и дальше, отрезая себе путь к отступлению. Теперь он публикует письмо Д. Поспеловского, который, ни больше, ни меньше, обличает царя Николая II “...в занятиях черной магией”! Подразумевается, что его, мол, не то, что к лику святых причислять, а от Церкви отлучить бы следовало... Однако приравнять к чернокнижью беседы с французским мистиком доктором Филиппом есть трюк, требующий смелого полета воображения. Последние наши царь с царицею, всем известно, не только что были искренне верующими, но и пунктуально соблюдали все обряды. И если их при жизни никто из духовенства ни в каких отклонениях в области религии не обвинял — не много ли берет на себя теперь г-н Поспеловский? Он, подлинно, хочет быть, следуя французскому выражению, более роялистом, чем король, и более католиком, чем папа!

Протесты его против молебна в Донском монастыре носят сугубо субъективный характер. Ему, старому эмигранту, вряд ли и уместно запрещать подсоветским людям выражать их истинные чувства. А уж ревниво подсчитывать, сколько присутствовало народу, — и вовсе пустое занятие! Тут попытки автора принимают смехотворный характер, напоминая враждебного репортера, писавшего по поводу какого-то собрания, что, мол, зал был не наполовину полон, а наполовину пуст! Он с ликованием ссылается на некий “общественный митинг” в Лужниках, где часть публики не пожелала встать в память казненных царя с семьей (довольно хамски, если так); митинг, где, как он патетически возглашает, “развевались русские национальные флаги и украинский жовто-блакитный”. Можно представить себе, что украинские сепаратисты не испытывают почтения к памяти умученного большевиками российского монарха...

Приведем параллельно свидетельство В. Солоухина о другом сборище: "Вот, например, вечер в большом спортивном комплексе "Крылья Советов". 7000 человек народу. Я предложил почтить вставанием память зверски убиенной Царской Семьи. И все 7000 человек встали".

Солидаризируясь с высказываниями Поспеловского, редакция "Вестника" от волнения даже с русским языком не ладит, требуя "придать (sic) останки царской семьи земле вне всякой политической и партийной шумихи". Вероятно, и советская власть горячо желает того же самого! Забавно, как сходится теперь с нею (и не только в данном пункте) Н. Струве и его друзья.

Примечательно и другое тут же **письмо в редакцию**. З. Шаховская обиделась на следующие строки в рассказе В. Солоухина "Плохой собор": "Иоанн Сан-Францисский, поэт "Странник", пишущий слабенькие стишки, встречающийся со многими советскими писателями, даривший им свои книги и вообще персоне более или менее для советских людей рукопожатная, к тому же (как и его сестра, Зинаида Александровна Шаховская) имеющий в себе половину еврейской крови".

Но она сама уточняет, что такие слухи о них циркулируют в Париже и притом не могут считаться клеветой, поскольку в них, собственно, нет ничего унижительного. Солоухин же, без сомнения, просто повторил то, что ему рассказывали во Франции русские эмигранты, с которыми он общался и которым не имел основания не доверять (имена их, живых и уже теперь мертвых, он называет, в частности, в рассказе "Голубое колючко").

З. Шаховская опровергает, вероятно, справедливо, самый факт; но, к сожалению, не объясняет, на чем же сплетни о ней базируются? Что Шаховские княжеский род и не евреи, бесспорно. Но вот ее брат в своих мемуарах сообщил, что их мать разошлась, и

даже формально развелась с мужем и несколько лет открыто жила с другим человеком, а потом вернулась к прежнему супругу. Может быть, именно эти семейные неполадки и подали злым языкам повод для толков?

Насчет моральной чистоты покойного архиепископа, естественны восторженные похвалы ему в устах обожающей его сестры. Сам он, однако, в книге "Биография юности" открыто говорит о неких своих тяжелых плотских грехах; навряд ли только в порядке самоуничтожения.

В чем его почитательница во всяком случае не права, это в высокой чрезмерно оценке его стихов, которые как будто никто и не объявлял никогда значительным литературным явлением. Еще же более она заблуждается в нижеследующем риторическом сопоставлении между поэзией Солоухина и Странника: "барабан арфе не созвучен". Оно построено, видимо, на незнании произведений подсоветского писателя. Большинство стихотворений которого, вошедших в состав сборников "Аргумент", "Седина" и другие, представляют собою лирические, а иногда и философские размышления, никак уж не похожие на барабанную дробь! Раздражение г-жи Шаховской вызвано, очевидно (только одними ей и известными?) его стихами "Друзьям" и некоторыми другими, являющимися на деле скорее исключением в его творчестве (в них-то, действительно, слышится призыв на борьбу с большевизмом; что мы, впрочем, можем только приветствовать).

Прежние же, в подавляющем большинстве, напоминают по звучанию скорее **звон отдаленной свирели**. Приведем, в порядке иллюстрации, начало одного из них, из числа наших у него любимых:

Уж совхозом Цинандали
Шла осенняя пора,
Надо мною пролетали
Птицы темного пера...

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА СОВРЕМЕННОГО СОВЕТСКОГО АТЕИЗМА

Недавно "Русская Мысль" (25 мая 1990) и "Посев" (№ 3, 1990) почти одновременно опубликовали статью Глеба Анищенко — "Врата ада", очевидно, придавая ей какое-то особое значение. Интересная статья, требующая, однако, детализации и уточнений по ряду вопросов, имеющих не только теоретическое, но и чисто практическое значение.

Г. Анищенко считает, что в СССР воинствующий атеизм ушел со сцены, скомпрометировав себя и показав свою полную беспомощность. Позволим себе заметить, что во-

инствующий атеизм, при всей его безнадежности, не ушел со сцены, а временно спрятался за кулисы, незаметно для публики оглядывая зрительный зал и прикидывая возможности, которые перед ним открываются. А пока, до более удобного момента, для реванша, на его место выходит тихий, псевдоблагожелательный к религиозному сектору страны советский атеизм, всячески рекламирующий себя как атеизм "перестроечный", безобидный, но, добавим, едва ли пока более действенный. В данное время действенность

советского атеизма упала почти до нуля, и на быстрое его восстановление не приходится рассчитывать. Но в перспективе советские атеисты, вернее, их московский штаб, теоретически могут рассчитывать на известную стабилизацию их положения. Эти надежды не столь эфемерны, как они кажутся на первый взгляд. Долголетний отрыв от религии, назойливо внедрившиеся прописные атеистические "истины", вернее мифы, бездумное следование стереотипам атеистической пропаганды, сделали свое дело. Безрелигиозная часть населения, кстати сказать, более чем значительная, недоумевающе-недоверчиво смотрит на оживление религиозного сектора страны, скептически оценивая происходящее. И вот здесь на сцену снова выходит воинствующий атеизм, подогревая эти настроения, переводя их в активную антирелигиозность. И дело здесь не столько в тех направлениях нынешнего богоборчества, о которых пишет Г. Анищенко, а в решении основной стратегической задачи, о которой, кстати, пишет и Г. Анищенко, но которая у него остается только одной из задач советского атеизма нынешнего времени, но отнюдь не главной и не определяющей. И здесь мы в корне расходимся с автором "Врата ада", явно недооценившим происходящее.

Против своего желания, вопреки антирелигиозной и богоборческой сущности коммунистической диктатуры, ей пришлось внешне изменить свое отношение к Церкви и к религии в целом и дать ей возможность дышать. Пришлось отступить, но при этом отступлении власть была вынуждена заранее приготовить идеологические позиции, которые должны быть заняты атеистическими идеологами и с которых нельзя не только отступить, но, наоборот, надо на них собрать силы для будущего наступления на религию. А идеологический фундамент для этого будущего наступления, соединенного с активной обороной, начинает готовиться уже сейчас. И вот этот стратегический ход Г. Анищенко явно недооценил.

В чем же заключается стратегический план нового наступления советского атеизма. Он вполне выдержан в духе перестройки и не предусматривает активного террора или насилия над верующими. Он готов дать Церкви дышать глубже и нормальнее, он готов с ней даже сотрудничать, но... А это "но" имеет существенное значение. Атеисты понимают: страна за годы советской власти растеряла все морально-этические ценности. Эти ценности по существу принадлежат Церкви Христовой. Они сейчас необходимы народу. Восстановление их в сердцах и умах нынешнего народа — необходимое условие для сохранения все той же советской власти. Без них неизбежен скорый и совсем не безболезненный

конец. Но все эти ценности неизбежно связаны с Божественным Промыслом, ведущим нашу страну к свершению предначертанного Свыше. Но это для атеистов совершенно неприемлемо. И рождается совершенно невозможный и нелепый план. Этот план заключается в следующем.

Взять "на вооружение" христианскую нравственность, по возможности оторвать ее от ее религиозных основ, соединить ее с чем угодно, только не с религией, даже с классическим безбожием и на этой основе вести духовную перестройку советского общества.

Это совсем не ново, но есть кое-что и новое. По мнению некоторых теоретиков т. н. научного атеизма, два тесно связанных между собою фактора определяют тактику советского атеизма на ближайший период. Первый из них, свидетельствуя о "временности" Церкви, подсказывает заключение с ней временного союза. Второй — свидетельствует о том, что в данное время население СССР не воспринимает морально-этические нормы без "временной" религиозной оболочки. Отсюда — надо считаться с этой временностью и не отказываться от религиозного обоснования этических норм, но нивелировать их в историко-философском плане, в сочетании с другими философскими учениями.

Вот, что говорит один из современных идеологов советского атеизма Л. Митрохин на страницах журнала "Вопросы философии" (№ 9/89). По его мнению, люди стоят сейчас на таком уровне, что решить эти проблемы без веры в Бога они пока не могут. А поэтому будущее религии при социализме определяется тем, может ли общество создать условия для решения таких проблем светским путем, не требующим обращения к идее Всевышнего, к религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения.

В этих, достаточно скупых строках и заключается генеральный стратегический план дальнейшего наступления на религию вообще и Церковь в частности. Все остальное — как современные попытки дискредитации Церкви, попытки отвлечения людей от Церкви при помощи массовой культуры западного образца, политика известного принижения Церкви путем низведения религии до уровня массовой культуры и многое другое в этом же духе — являются лишь тактическими приемами, подготовляющими главное — генеральный стратегический план использования морально-этических ценностей христианства с одновременным отключением Церкви от активного участия в жизни общества. Советские атеисты всерьез думают об этой стратегии, свидетельствующей об их полном непонимании подлинного происхождения этих ценностей, ни того, что они могут быть действительны и даже

целительны, лишь находясь на стволе дерева, именуемого Церковью. Здесь у них неисправимый, видимо, заскок, который явится основной причиной поражения их нового плана борьбы с религией, перевода религиозных ценностей в общечеловеческие нравственные ценности. В этом отношении совершенно прав Г. Анищенко, отмечая, что Церковь Невеста Христова подменяется неким институтом, популяризирующим свод нравственных норм, а вера в Бога Живого заменяется самим этим сводом. Но все дело заключается в том, что эта подмена не столь безобидна, как кажется на первый взгляд. Развитие этих взглядов на практике неизбежно приведет к новым нажимам на Церковь и к ущемлению ее прав, к стати сказать, неясных и по сей день. Знаменитый закон о свободе вероисповедания так и не вышел из правительственных недр, и имеется основание опасаться, что этот новый закон, очевидно, обеспечит не столько свободу религии, сколько свободу подмены тех ценностей, о которых речь шла выше. Видимо, именно здесь надо искать причину задержки с изданием этого закона. В конечном счете споры идут о путях все той же ликвидации религии! Эта цель остается неизменной, и поэтому к кулуарному обсуждению проекта закона не были привлечены представители Церкви, на

что они неоднократно высказывали жалобы в печати. Все это совершенно закономерно, если смотреть на происходящее без розовых очков, без "весенних" надежд на несбыточное. И тоже совершенно закономерно попытки советских антирелигиозников провозгласить ведущим началом народный патриотизм, поставить его на главное место в предполагаемой иерархии ценностей, вытеснить им религию, заставить людей забыть о православной идее, переключить внимание на "русскую идею", благо она в искаженном виде дает возможность развить идеи советского империализма, практически продолжающего действовать едва ли не на всех континентах мира. По существу благотворная идея патриотизма, сочетаемого с Православием, вывертывается наизнанку и предлагается для специфически советских целей. Недаром популяризация преп. Сергия Радонежского как инициатора и вдохновителя разгрома татар стала на свое неотъемлемое место в "перестроенных святцах", получив полную "легализацию" на пропагандное распространение.

Все это так, но одновременно события, происходящие в России, могут повернуть ход этого процесса в нежелательную для власти сторону, а это, в свою очередь, изменит ситуацию в сторону подлинного духовного раскрепощения народа.

ПАМЯТИ СТАРОГО ДРУГА

Для меня было тяжелым ударом узнать из письма его жены из Канады о смерти 12-го июля Николая Николаевича Воейкова. Положим, он последнее время сообщал, что хворает, но я не думал, да и он сам, видимо, тоже, что дело настолько плохо. А я привык верить в его богатырское здоровье, которое всегда казалось неизменным; притом же и наследственность у него была куда как хорошая: его мать скончалась в глубокой старости всего года два тому назад.

В 1948 г., в период моих первых лет в эмиграции, мне случилось получить приглашение на съезд Имперского Союза в Брюсселе. Помню приятное впечатление от города в разгаре лета, выглядшем тогда спокойным и провинциальным, в отличие от Парижа.

Сам съезд Р. И. С. меня поразил: несколько десятков делегатов с мест, главным образом из числа новых эмигрантов, завербовавшихся работать на бельгийских шахтах, выступавших как убежденные монархисты, в полном согласии с представителями, молодыми и старыми, первой эмиграции. Одним из главных распорядителей и организаторов был Николай Николаевич, и я тогда же оценил его исключительные свойства: все, что он устраивал, шло как по маслу, без сучка и

задоринки, точно и дисциплинированно. Он был врожденный руководитель людей; вероятно, — в порядке преемственности от предков-аристократов, которые со времен Димитрия Донского постоянно играли важную роль в русской истории.

Неделю провел я у него в доме и в обстановке самого обаятельного гостеприимства: он сам, его мать, его очаровательная жена отнеслись ко мне буквально как к родному. А каждый из них был по-своему человеком замечательным...

Николай Николаевич, высокий, широкоплечий, с небольшими черными усами, в то время преуспевающий инженер, попал за границу в 10-летнем возрасте, в середине 20-х годов, с матерью и младшим братом. Его матушка, Анна Александровна, пользуясь отличным знанием иностранных языков и проявив незаурядную энергию, сумела найти себе подходящую службу и обеспечить воспитание детей. А его жена, Эдит Федоровна, — и вовсе уж особый случай: голландка-католичка, она приняла православие, научилась свободно говорить, читать и писать по-русски и навсегда стала для мужа помощницей и советницей.

Недаром много позже, когда нам довелось

встретиться снова, Николай Николаевич сказал мне однажды наедине, что его брак был в его жизни самой большой удачей.

В Брюссель я потом приехал еще раз, на посвящение в нем православного храма; и тут уже как нечто само собою разумеющееся останавливался опять у Воейковых. Но в эти дни Николай Николаевич готовился к отъезду, получив выгодное место в Аргентине, где и провел затем лет 10.

Оттуда он перебрался в Монреаль, и наша дружба продолжалась, теперь уже по переписке через океан.

Николай Николаевич принадлежал к той части Зарубежья, интересы которой целиком отданы русскому миру. Без малейшей узости, однако. Он везде пользовался у иностранцев уважением и занимал видное положение в обществе; говорил с одинаковой легкостью по-французски, по-английски и по-испански; отлично разбирался в западных литературе и искусстве, держался в курсе международной политики. Но чувствовал себя в первую очередь и до глубины души русским.

В 1978 г., по своим личным делам, я предпринял поездку в Канаду, с маршрутом Монреаль — Торонто — Виннипег и тем же путем обратно.

В начале путешествия я провел несколько дней, а при возврате застрял надолго у

Воейковых на даче, в пригородном местечке Сен Лен де Лорантид: возникла стачка работников авиации, и нельзя было вернуться во Францию. Нет худа без добра! Я смог лишний раз оценить доброту и деликатность моих друзей и провести с ними еще неделю или 10 дней, — пока забастовка не кончилась.

Удивительно, до чего все было как прежде! Снова знойное лето, как тогда в Брюсселе, и та же атмосфера комфорта, сердечности, остроумия и непринужденного веселья; недоставало, правда, матери Николая Николаевича, оставшейся в Бельгии. А сам он и его жена, хотя у них были уже взрослые сын и дочь, не изменились, словно бы время не имело над ними власти; ни он, русский исполин, полный спокойной силы, ни она, миниатюрная грациозная брюнетка, воплощенное радушие и внимание к гостю.

И дальше много раз они звали меня к себе, но я уже не сумел вырваться за море. Сейчас я остро ощущаю, как мне будет не хватать его писем, всегда регулярных, без задержки в ответе, со множеством интересных мыслей и любопытных новостей.

На память мне осталась книга Николая Николаевича "Церковь, Русь и Рим", обстоятельное исследование, посвященное проблемам отношений между православием и католичеством, которые его всегда занимали.

В. РУДИНСКИЙ

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

ГЛУБОКО ПОТЯСЕННЫЕ, МЫ СООБЩАЕМ О ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ.

О. АЛЕКСАНДР МЕНЬ БЫЛ ЗАРУБЛЕН ТОПОРОМ В ВОСКРЕСЕНЬЕ 9 СЕНТЯБРЯ, УТРОМ, КОГДА ОН ШЕЛ К СРЕТЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ ПОД МОСКВОЙ, НАСТОЯТЕЛЕМ КОТОРОЙ ОН БЫЛ, ЧТОБЫ СЛУЖИТЬ ВОСКРЕСНЮЮ ЛИТУРГИЮ. ЕГО МНОГОЧИСЛЕННАЯ ПАСТВА ЖДАЛА ЕГО НАПРАСНО.

НЕКРОЛОГ МЫ ДАДИМ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Редакция

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS – A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает
Перепечатка разрешается, но с указанием источника

